

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Лирика

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Лирика

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1960

РАБОЧИЙ МАЙ

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе, —
И отговаривается гром
И в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!

1919

КАМЕНЩИК

В. Александровскому

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

Поет он, как выше, выше
Я с ношей красной лез,
Казалось — до самой крыши,
До синей крыши небес.

Глаза каруселью кружило,
Туманился ветра клич.
Утро тоже взносило,
Вносило красный кирпич.

Бреду я домой на Пресню,
Сочится усталость в плечах,
А фартук красную песню
Потемкам поет о кирпичах.

1920

НЕБЕСНЫЙ ЗАВОД

И высок и широк
Синикаменный завод.
Чу! Порывистый гудок
Пыльным голосом зовет.

И спешат со всех концов
В толстых блузах закопченных
Толпы мощных кузнецов,
Ветровым гудком сплоченных.

Все темней, темнее высь.
Толпы темные сошлись,
И проворно
Молний горна
Душным жаром
Разожгли
И раскатистым ударом
Ширь завода потрясли.

1919

ОХ, ПРАЗДНИК...

Ох, праздник, и какой пустой!..
Какую скуку сучит, сучит!..
А тут и тучи
Окошко тушат темнотой.

Умолкнул молоточный гром,
Черствеет, тяготится кожа,
Сутулится стариком,
О молотке тоскуя тоже.

Чу! Стуки в тучах, жаркий взмах, —
И ослепительное шило
Вонзила
Молния впотьямах.

И радостно, без заминки
Загрохотали мастера.
Ах, вот, ах, вот она — пора
Отрадной грозовой починки!

Со свежей драгвой дождевой
Пронзительно носилось шило,
Быстрый, брызжущий, живой,
Звончатый огонь крошило.

А я в окошко взором врос,
Стучу и сердцем и висками,
И темь, и блеск, и прядь волос
Тачаю впопыхах руками.

Отгрохотали. Высота
Лучится. Свежестью волнуем,
Выскакиваю за ворота
И хлюпаю, пою по струям.

И улицей люблюсь я:
Асфальтам весело, — и чище,
Ясней блестят из-под ручья
Их лаковые голенища.

1920

---

* * *

Сегодня день плохой ли, хороший, —
С этакого этажа попробуй-ка разглядеть.
И вот беспокойся: калоши
Надеть или не надеть?

Чу! И комната вспыхнула от звона,
Вскипела комната в звончатом огне.
Ах, это не просто знакомый насчет поклона, —
Это солнышко, это солнышко позвонило мне,
Это солнышко, солнышко с небосклона
Позвонило по телефону
О чудесном дне.

1921

КАПЕЛЬ

Целый день высоты зданий
Мерит искристо капель.
Трелью влажных восклицаний
Веселит она апрель.

Запыхавшись, набегает
Вешний ветер голубой,
Ею трепетно играет,
Гнет серебряной дугой.

Вот умчался он, и мерно
Восклицаний льется трель,
И высоты зданий верно
Мерит тонкая капель.

1917

---

* * *

И ветер вешний и я
К вечеру так устали.
Мутится голова моя,
Мутятся дали.

Тихой дорогой сырой,
В оторопи озноба,
С набухшей, грузной метлой
Плетемся, плетемся оба.

В памяти — ручей за ручьем
Под солнцем клокочет звонко,
И метем их, метем вдвоем —
Ветер-то, ветер-то — наперегонку!

Металась метла — вдрызг.
И мы метались,
В бисере брызг
Задыхались, задыхались.

И ветер вешний и я
К вечеру так устали.
Мутится голова моя,
Мутятся дали.

1922

МЕДОВЫЙ СПАС

Погашен солнечный заход,
И вечер, вечный пчеловод,
Дорогой тихой, зыбко-мгlistой,
В одежде свежей и душистой,
Душистый, радостный, пришел
И выпустил на небо пчел.

И оживленный, золотой
Рассыпался пчелиный рой
В небесной чаше васильковой,
И желтый, ясный сок медовый
Налился, снятый с васильков,
В хрустальных сотах облаков.

1917

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушуйкай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запыллил.

И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявась второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

1920

ОЖИДАНИЕ

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!

Издали клубился,
Вился дым из труб.
Мнилось — не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?

И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.

И тянулась нудная обуза.
Вдруг — и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!

Дверь шушукнула, — и как во сне я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошел... прильнул и ну, синяя,
Обнимать и обнимать меня...

Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и — ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный, —
Это вечер обнимал меня впотьмах!

1923

ГАРМОНИСТ

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.

Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул, — и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.

Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьянясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.

Высыпал народ на подоконники, —
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.

Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

1922

---

* * *

Тебе не ночь ли косы заплетала?
Вслед за тобою не бредет ли ночь?
Такая тьма, — и солнцем не помочь
Глазам: так тяжело им стало...

Ушла... но все стоишь в глазах ты,
И в глубине души, где сумрака потоп,
Стучит любовь, как в темных недрах
шахты
Работой упоенный рудокоп.

1922

---

* * *

Как хорошо телесное изнеможенье!
Какая сладостная слабость разлита!
И эта тесная лень движенья!
И эта зыбкая мечта
От разноцветного головокруженья!

И мнится мир радушным и уютным,
И мнится радугой гроза,
Когда дрема, за теплым забытьем
минутным,
Наваливается на глаза
Навесом нежным и блаженно-мутным.

1920

---

* * *

Давно такого не было лентяя,
Такого солнца! Желтый лежебок!..
Подумайте: до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!

И лишь один протеплен переулок,
Где так душисто дымится грунтозем,
Как будто бы, не потушив, с огнем
Тут солнце бросило окурок.

1920

ОСЕННЯЯ ВЕСНА

Мутна осенняя Москва:
И воздух, и прохожих лица,
И глаз оконных синева,
И каждой вывески страница,
И каждая полоса
На темени железном зданий,
И проволочные волоса,
Распущенные в тумане.

Осенняя Москва мутна.
Осенняя... И вдруг знамена!
И вспыхивает она,
И вспыхивает, удивлена,
Что вот не видно небосклона,
А вон в руках кипит весна!

1922

•

КРЫША

Между железной стройной плотью крыши
И глыбою воздушной голубой
Какое жесткое напряженье дышит,
Какой дымится жесткий бой!

Но день за днем и год за годом крыша,
Железная и стройная, растет —
И солнце пятится, и солнце слышит, слышит,
Как рушится косматый сон высот.

1921

•

ВРЕМЯ

Часы стучали, точно кузнецы,
И вдруг вздохнуло грузное мгновенье,
И тихих мыслей тусклые концы
Схватило длинное и мускулистое движенье.

Я вслушался и гулами набух.
Дух тяжелел, веками нагруженный,
И величаво, тяжело мчался шумный дух,
Движеньем мускулистым туго запряженный.

1921

ВЕШНЕЕ ВДОХНОВЕНЬЕ

Бегут и брызжут мостовые,
И, голоногая братва,
Несутся ветерки сырые,
Раскидывая голубые
Крылатые рукава.

И я, и я несусь за ними
И удержаться не могу,
Бегу, бегу за мостовыми,
За ветерками голубыми,
За брызгами бегу, бегу.

Несусь, бегу, кричу в волнение:
— О жизнь, ты мачеха иль мать? —
Хоть в этом вешнем упоенье,
Хоть в этом влажном вдохновенье
Друг друга нам понять, понять!

1921

ПЕСЕНКА

Ветер начал. Я ему попутно
Подтянул случайным голоском,
Солнышко втянулось, — и уютно
Мы запели песенку втроем.

Ветер заливался голосом быстрым,
Я его старался слить со мной,
Солнышко рассыпало звончатые искры,
Увлекало песенку весной.

Шли и пели, пели по дороге,
Пели трое о сердечном, о своем,
И у каждого таяли, таяли тревоги,
Потому что песенку пели втроем.

1922

---

* * *

И закат волновался,
Когда с крыльца
Спускался
С нами
Провожать отца.

И сам простился с нами,
Лицом поникнув,
А потом,
Мелькая искристыми ногами,
Дальше пошагал с отцом.

Отец удалялся в закатные дали,
И долго, долго сквозь простор
Нам улыбался сиянием стали
И кланялся, кланялся
Его топор.

1921

ДЯДЯ ИЛИ СОЛНЦЕ?

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич иль это солнце мая?

Он очень мил, мой дядюшка, портняжка,
Сердечный, вечный самогонки друг,
Зимой и летом пышущий так тяжко,
Что позавидует утюг.

Он шумный пьяница, но великолепен
Теплыню искренней его нелепый шум:
То вкусной руганью ослепит,
То взбрызнет шуточки изюм.

И как чудесны дядюшкины руки,
Когда, жалея мой влюбленный пыл,
Он мне так ревностно разглаживает брюки,
Чтоб я глазам любимой угодил.

И этих рук сердечное движенье
Ложится родинкой в моей груди.
Вдруг — солнце! Солнышко... Звени, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Сочится солнце с картуза,
Стучится искрами в глаза,
И веселится солнце мая,
Красней бубнового туза,
Страстней гармоники играя.

Струится, брызжется весной,
И по губам и по карманам
Струится праздником румяным,
И я глотаю сочный зной...
Ах, дядюшка, скажи, родной, —
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я — солнцем пьяным?

Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На следующее поколенья!
Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебиенье!

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.
Но кто родней — мой дядя ли Семен
Сергеевич иль это солнце мая?

---

* * *

Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне любя
Не менее — и потому любя,
Что чую я обличий переклички,
Что чую: в маленьком обличье спички
Таится мира пестрая судьба.

Чирк! — и зарумянится
Скрытница огня,
Солнышка племянница,
Солнышка родня.
Деревянным запахом
Полыхнет лесам,
Улыбнется фабрикам,
Дальним корпусам.

Случается: бреду в ночном тумане,
Бреду в тумане плотно одинок,
И, как ребенок, вспомнивший о маме,
Я просияю и взлучусь лесами,
Лесами, корпусами, небесами,

А небеса и сами
Взлучатся дальними мирами, —
Когда нечаянно в кармане
Чуть гроыхнет неполный коробок.

1926

РУЧНОЙ ЛЕБЕДЬ

Спозаранок
Мой рубанок,
Лебедь, лебедь мой ручной,
Торопливо
И шумливо
Мною пущен в путь речной.

Плавай, плавай,
Величавый,
Вдоль шершавого русла!
Цапай, цапай
Цепкой лапой
Струи стружек и тепла!

Лебедь мчится,
И клубится
Шумный, шумный водопад,
И колени
В белой пене
Утопают и кипят.

1920

КАК Я СТРОИЛ ДОМ

Мне ведь снилась каждая тесина,
С каждой планкой был я заодно,
Бережней, нежней, чем сына,
Клал я каждое бревно.

Эх, да что там говорить про бревна, —
Лишний сук я тронуть избегал,
Потому что знал я, знал я кровно,
Что не сук, а родинку срубал!

Лишь могла бы потная рубаша
Рассказать про мой рабочий дар,
Как, срубая, радугами размаха
Улыбался мой удар,

Как, срубая, пьяным польханьем
На дыханье смольное дышал,
Как дыхание с дыханьем
Я, взволнованный, мешал.

Я дрожал, от счастья задышался,
Как мой домик крепнул день за днем,
Как мой дом в плечах приподымался,
Как мужал мой новый дом.

И следил, следил ревнивым глазом,
Как сквозь окна брезжил чудный ум,
Брезжил чудный человеческий разум,
Чудное брожение вечных дум.

1922

---

* * *

Любим на судьбу свою людскую,
Как ребята, губы надувать, —
Чуть понюхаем беду какую,
Ну, на всю, на всю-то жизнь плевать.

Протранжирим денежки на водку,
Просадимся в двадцать ли одно
Иль упустим глупую красотку, —
Сердце смертной горечью полно.

И за то, что попросту гульнули,
И за то, что не очко, а два, —
Отдаем простой свинцовой пуле
Жизни человеческой права.

И не чуем, что вот тут же рядом
Нам, сварливым с головы до пят,
Нашей поступи и нашим взглядам
Твари прочие от зависти кипят.

И не чуем, что, когда знакомым
Отдаем обыденный поклон,
Ветер мучается весь в изломах, чтоб
изломам
Хоть бы чуть придать поклона тон.

И когда случается — в дороге
Ветер нам повеет на шаги,
Чуем ли, как ветер босоногий
С жадной болью мерит сапоги?

И сварливым нам и нам надутым
Шепчет вслед отчаяньем босым:
«Долго ль, долго ль буду необутым
Плоть свою кромсать по мостовым?..»

Ну, и нас, бывает, мостовая
Утомляет... Но лишь миг — и вскок, и вот
Не свои шаги, а вихрь трамвая,
Словно не трамвай, а тварь живая,
Нас в сварливости не утомляя,
Нас стремительно несет.

Да, одну, одну пята нагую
Дать бы тварям милость обувать —
Как бы стали твари ликовать!
Ну, а мы-то любим баловать,
Любим на судьбу свою людскую,
Как ребята, губы надувать.

---

* * *

Не потому ль к любви вселенской
Ревниво льну стихом своим,
Что не любим любовью женской,
Любовью женской не любим?

Не жду под вечер шума платья,
А зашумит издалика, —
Я жду не женского объятия,
А встречной ласки ветерка.

И, тронут этой лаской встречной,
Я рад, что веет ветерок,
Что я без ласки человеческой
Не одинок, не одинок.

И легче мне без ласки женской,
Когда почую с ветерком,
Что всею вечностью вселенской
Я к жизни вызван и влеком.

И, полон силы вдохновенной,
Я чую сквозь ночную муть,
Что грудь вселенной, грудь вселенной
Ко мне склоняется на грудь.

И чую вышнее объятье,
И вышний трепет чувств моих,
И это вышнее зачатие
Тебя, тебя, мой милый стих.

Не потому ль к любви вселенской
Ревниво льну стихом своим,
Что не любим любовью женской,
Любовью женской не любим?

1923

СОН

За дверями мгла, а сам — в истоме,
Сам в истоме, да в такую мглу
Не пошел домой, а в новом доме
Сладко растянулся на полу.

Так душисто пахли половицы!
И трудом и домом опьянен,
Стал дремать, и скоро мне ресницы
Засмолил цветистый сон.

Снилось мне: зарниц и радуг сотни
Паровоз привез, свалил на двор.
«Что ж, и радуги, — промолвил плотник, —
Да и солнце мой возьмет топор».

Пусть томятся радуги, зарницы
По родимым небесам своим,
Если радостные светлицы
На земле мы выстроить хотим.

ПРИЗНАНИЯ

---

* * *

Мой отец — простой водопроводчик,
Ну, а мне судьба судила петь.
Мой отец над сетью труб хлопочет,
Я стихов вызваниваю сеть.

Кровь отца, вскипавшая, потея,
Мучась над трубой из чугуна,
Мне теперь для ямба иль хорее
Волноваться отдана.

Но, как видно, кровь стихов сильнее:
От отца не скроюсь никуда, —
Даже в ямбе, даже и в хорее
Родинка отцовского труда.

Даже и в кипенье пред работой,
Знать, отцовский норов перенял, —
Только то, что звал отец охотой,
Вдохновеньем кличут у меня.

Миг — и словно искоркой зацепит,
Миг — и я в виденьях трудовых,

И кипучий и певучий трепет
Сам стряхнет мой первый стих.

Вспыхнет ритма колыханье,
Полыхнет упругий звук, —
Ближних мускулов дыханье,
Труб чугунный перестук. . .

А потом, как мастерством разыграю,
Не удам и батьке-старику, —
То как будто без конца, без краю
Строки разгоняю. . . вдруг и на скаку,
Как трубу, бывает, обрубаю
Стихотворную строку.

Ну, а то, — и сам дышу утайкой, —
Повинуясь ритму строк своих,
Тихой-тихой гайкой —
Паузой скрепляю стих.

Пауза. . . и снова, снова строчки
Заиграют песней чугуна. . .
Что ни строчка — в трудовой сорочке
Вдохновеньем рождена.

Так вот и кладу я песни-сети.
Многим и не вздумать никогда,
Что живет в искуснике-поэте
Сын водопроводного труда.

1926

---

* * *

Не могу держать спокойно плечи,
Мимо ветхих зданий проходя.
Слышу скорбный шепот человечесий
И тревогу каждого гвоздя.

Слышу зыбь глухого распаденья
И знакомый обморочный тлен,
И трудолюбивые виденья
Расщепляют плоть ущербных стен.

Осыпая пыль, взрывая звуки,
То скребя, то каменно стуча,
Шевелятся, лезут, рвутся руки
Сквозь рябую старость кирпича.

И шумит горячее дыханье,
И, вскипая, бьет прибоем пот,
Кирпичи расходятся, — и вот
Пред глазами каменное зданье
Тьмой рабочих обликов встает:

«Мы давно зарыты все в могиле,
Но ушли с земли не без следа, —
Мы себя тугим огнем труда
В стройный облик зданья воплотили,
Зданьем жили долгие года.

Жизнь неслась, как прежде, перед нами,
Мы могли о прошлом не тужить, —
Крепкими, большими этажами
Были рады жизни мы служить.

Но теперь мы снова пред могилой...
Время так и точит зданье вспять,
Время так и хочет дикой силой
Плоть камней и плоть людей разъять.

Время и дождем и ветром точит...
Стал со стен срываться смертный бред, —
Налетит на стены ветер ночи,
И, в стенах качаясь, забормочет
Смертным бредом твой сосед».

Слышу скорбь родной рабочей речи,
И как будто с ветра иль с дождя
Я и сам качаюсь, вдаль бредя...
Не могу держать спокойно плечи,
Мимо ветхих зданий проходя.

ЭПОХА

Наш каждый день неловко величав,
Увесистей испытанных столетий.
Отцам события родней детей кричат,
И на отцов глядят отцами дети.

Обыденным обедом стал нам бой,
И даже в радостях мы хмурим брови,
Ласкаем девушек — и вдруг сама собой
Рука становится суровой.

Дурманный ореол кумиров отблистал.
И кто склонится к милостям кумира,
Когда у нас какой-нибудь подвал
Вскипает в замыслах переустройством
мира?

Пространств повязку, времени прибор
Прощупали сухим, но точным знаньем,
И жизнь свою не стали звать судьбой
И поручили собственным дерзаньям.

Иные стали признаки родства:
«Эй, за кого там задымилась рана —
Во имя хищнического торжества
Иль торжества трудящегося стана?!»

И вот отцам события кричат
Родней детей. Глядят отцами дети.
И что ни день — в пороховом рассвете,
И что ни день — неловко величав,
Увесистей испытанных столетий.

1923

МАВЗОЛЕЙ

О хлебе, о Керзоне, о коммуне,
С огнем знамен и с древней тьмой забот,
Давно ль его послушать шел народ!
Его руки народный поворот
И до сих пор над площадью встает, —
И вот невольно, слух взведя вперед,
Идет народ
И к Мавзолею, как к трибуне.

Но нет, не слышен ни единый звук...
Ильич уснул... Ни горькие рыдания,
Ни топот ног, ни гром рукоплесканья,
Ни гул заводов и ни грохотанье
Чугунных пушек — не подымут рук
И не разбудят пыл его дыханья.
Но можно дать поруку из порук —
Одно взмутит его покойный дух:
Призывный стон невыносимых мук
Разбитого рабочего восстанья.

1925

---

* * *

Я нет-нет — и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим...
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

Только ты одна меня любила,
Ты — завода кровная родня,
Теплая, заботливая сила
От тебя теснилась на меня.

Жизнь гражданской тяжбой волновалась,
Не склонялась жизнь любовь беречь, —
Тяжких дней отрядами врывалась
В тихие часы любовных встреч.

Эх, бывало, услышав тревогу,
Ты срывала нежности порыв
И, оставив строгий след порогу,
На ходу винтовку зарядив,
Своему заводу на подмогу
Ты бежала в гневные ряды.

И, дыша пороховым дыханьем,
Путь марая кровью от следа,
Прибегала вновь и вновь признаньем
Нежила, сердечна и тверда, —
И своим певучим дарованьем
Я вливался в гневный ряд труда.

Эх, и надо ж было так случиться,
Что явилась, чуждая, она...
Жаркая походка... грудь лучится...
Вся — дразнящей страсти целина.

Знай, что был я духом без ответа,
Что не мог я только побороть
Плоть свою, хмельную плоть поэта,
Падкую на сладостную плоть.

И за ней, за чуждой, за красивой,
От тебя я, милая, ушел, —
Были тщетны все твои призывы,
Даже клич борьбы, как сор, отмел,

Словно с ней, в угоду сладострастью,
Пестрый голос прочих чувств затмил...
Ах, силен телесной женской властью
Потерявший силу старый мир!

Что же проку, и смешно, быть может,
Если после, плотью откипев,
Я готов был против самого же
Обратить рядов рабочих гнев.

Полные великого дерзанья,
Улеглись гражданской тяжбы дни.
Кто под лаской твоего признанья
Твоему заводу стал сродни?

Я нет-нет — и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим...
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

1924

---

* * *

А. Г.

Сколько лет вдохновенно я пестовал
Эту боль с этой кличкой любви,
Сколько лет я, блаженствуя,
бедствовал —
И всю жизнь, может быть, отравил.

Лучше б ты родилась невидимкою...
Мир пестрел... Голубели глаза...
Показалась походкой, — и дымкою
Пестрый мир отступил назад.

Только юную душу царапала
Раздиравшая наши года
Величавая, косолапая,
Боевая людская страда.

Но простого свиданья отведали —
И глаза не великой борьбе, —
Мою душу глаза мои предали
Молчаливо-капризной тебе.

Осыпала задорной небрежностью...
Я притиснул свой гордый пошиб
И встречал терпеливою нежностью
Даже пышных капризов шипы.

И за каждый укол и за каждую ссадину
Я тебе лишь пытал у судьбы
От капризов найти перекладину
К величавому гневу борьбы.

Но проклятым быльем, видно, туго
ты вклинилась, —
Не вскипели в тебе этих лет мятежи.
И, красивая, только щетинилась
И на нежность мою, и на жизнь...

1922

---

* * *

Жизнь мою московскою жилицей
Быть рука судьбины обрекла,
Но, сроднивший кровь свою с зарницей,
Видел я, как в небесах, светла,
Всех созданий дивною столицей
Вкруг меня вселенная плыла.

В солнце, в ветре, вверив каждый день им,
В них катя людских событий вал,
Я и ликовал, и горевал —
И, как дань житейским заблужденьям,
Местом жизни, весь в пылу весеннем,
С диким, виноватым удивленьем
Имя переулка называл.

1927

БАЙДАРСКИЕ ВОРОТА

Автомобиль рванул, — и за спиной,
С полусемейной флотской стариной,
Отбитый пылью, скрылся Севастополь...
И взор — нетерпеливою струной:
Скорей бы море вскинуло волной,
Чтоб осрамить пред пышною страной
Всей оглушительною вышиной
И кипарис и тополь!

Летим — и словно Крым зачах,
Летим — и, словно в обручах,
Мы в кряжах кружим ожиданье:
Да скоро ль прынет волн качанье?
Летим — и прямо на плечах
Громады скал... Коснись — и трах!
Летим, поддразнивая страх,
То под горами, то на горах, —
И хоть бы моря дальнее мерцанье!
Уже готово Крыму порицанье...
Летим, летим... Резвится пыльный
прах...
Летим, летим — и впопыхах

В пролет ворот и — ой! и — ах!
Ах! — и в распахнутых глазах
Пространств блистательный размах,
Пространств морское восклицанье!

1926

МОРЕ

Вот она, стихия волновая,
В беспокойной славе разливной!
Словно, набегаая, обливая,
Хочет познакомиться со мной.
Но московской жизни мостовая
Так меня втянула в норы свой,
Что вот-вот и с моря звон трамвая
Набежит железною волной.

Море, море! Первое свиданье
У меня, московского, с тобой!..
Ой, какой, какой большой прибор!
Прямо всем фонтанам в назиданье.
Так и бьет струей благоуханья
И соленой музыкой морской
Ласково смывает с ожиданья
Весь нагар шумихи городской.

Там, вдали, волна с волной несется
Танцем голубого хороводца,

Там, где солнца пламенный обвал,
Там кипит слепящий карнавал.
Ну, а вот об это расколоться
Может и любой стальной закал, —
Ой, да уж не ты ль, девятый вал?
Море, море! Твой прибой смеется...
Ты и не почуяло у скал,
Что сейчас я чуть не зарыдал:
Ничего я, кроме струй колодца,
С детства по соседству не видал.

1926

---

* * *

Ты опять при солнце и при ветре,
Зыбкая морская благодать.
И опять — хоть растяни Ай-Петри —
Дымки далей не достать.

Словно море мнит втянуть в купанье —
Так и подбирается к ногам,
И зовет прибрежных волн бряцанье
Пыль одежды сбросить берегам.

Миг — и тело в лад волнам открыто,
И скользит прохладная боязнь, —
Как когда-то сразу влезть в корыто
Маленькому было просто казнь.

Вдруг — и выструнился решеньем!
Прошумел разбегом... взбрызг — и бух!
И, как будто всех стихий смятеньем,
Схвачен влагой, запыхался дух.

И, как свежий запах новоселья,
В грудь вдыхая влаги синеву,
То прямком, то вкривь, то каруселя,
Я плыву, плыву, плыву.

А потом, отбросив вплавь пускаться,
Хорошо, как море, одичать —
Падать, будоражиться, плескаться,
Сиясь целый мир перекричать,

И, взбивая рвень голубое
И шипенья белые огни,
Хорошо встречать набег прибоя
Плотными толчками пятерни.

1926

ВЕСЕННЕЕ

Хоть и с легкой, зябкою опаской,
Но весна пустилась от души
И стучать, и черствою замазкой
С окон солнечно крошить.

Нынче именинницей стамеска, —
Значит, подглядят мои глаза,
Как посторонится занавеска,
Чтобы день лучистой пролезал.

Ну, а день и так сияньем лезет,
Весь в улыбках в комнату вошел,
И, взлучаясь пылью, начал презить
О высотах неба трызный пол.

Ты поймешь стальной стамески речи,
Распахнешь простор души лучам,
Поглядишь на этот пол — и сам
Горечью пришибленные плечи
Вдруг встряхнешь к высоким небесам.

1923

Потянула запахами сушки
Талая весенняя пора,
И пятнятся ржавые веснушки
На лазурной стали топора.

С каждым днем все слаще стало шарить
Солнышко за пазухой теплом.
Хорошо бы сразу в грудь ударить
И срубить всю горечь топором.

Да ведь вот и горечь жалко кровно —
От нее, голубки, от нее.
Размахнись — потупится любовно
Даже ржавой стали острие.

1924

ПУШКИН

Как хорошо расстаться с ночью
И, не успев ее забыть,
Еще мутясь от сонных ключев,
Вдруг утро Пушкиным открыть.

Мгновение — и блеском чудным,
И веет звучным блеском дух,
И упоеньем безрассудным
Цветет, поет и взор и слух.

И вот, овеяв упоеньем,
Затешили любовь листы:
«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...»

Вот и стыдливый пыл Татьяны,
Онегина брюзгливый вид,
Вот в «Подражаниях корану»
Восток по-русски говорит.

Державный ученик победный...
Стихийный, величавый смотр...
А вот сорвался, скачет медный,
Грохочет медным гневом Петр.

А вот в небрежном вдохновенье
У гения чудеса звучат,
И вот Сальери, в упоенье,
Завистливый подносит яд.

Звенят, сияют ямбов струи,
Губам даруют чудеса,
Как будто сам меня целует
Кудрявый славный Александр.

1926

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Эх, Сергей, ты сам решил до срока
Завершить земных волнений круг...
Знал ли ты, что станет одинока
Песнь моя, мой приумолкший друг!

И каким родным по духу словом
Пели мы — и песнь была тиха.
Видно, под одним народным кровом
Мы с тобой растили дар стиха.

Даже и простое восклицанье
Часто так и славило без слов,
Что цвело певучее братанье
Наших русских песенных стихов.

И у нас — о свет воспоминаний! —
Каждый стих был нежностью похож:
Только мой вливался в камень зданий,
Твой — в густую золотую рожь.

И, влеком судьбою полевой,
Как и я — судьбою городской,
Ты шагал крестьянскою тропюю,
Я шагал рабочей мостовой.

Ты шагал... и, мир вбирая взглядом,
Вдохновеньем рвался в пастухи:
Милым пестрым деревенским стадом
Пред тобой стремился мир стихий.

На пути, и нежный и кудрявый,
Ты вкусил горячий мед похвал.
И кузнец, создатель каждой славы, —
И тебя мой город петь призвал.

Пел. Но в нем, пристрастьем непрестанным
Утвердив лихие кутежи,
Сам затмил ты огневым стаканом
Золотой любимый облик ржи.

Где же ты, зеленых кос небрежность?
Где пробор березки при луне?..
И пошел тоскливую мятежность
Разносить, как песню, по стране.

Знать, не смог ты, друг, найти покою —
И под пьяный тягостный угар
Затянул смертельною петлею
Свой чудесный стихотворный дар.

Хоть земля твой облик крепко скрыла,
Мнится бледной памяти моей,

Что вот-вот — и свежая могила
Вспыхнет золотом кудрей
И стихов испытанная сила
Запоет о благодати полей.

1925

ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА

Висели руки с кислой скуки...
Вдруг — и дзинь! — гитары звук, —
И пошел под выстуки, под стуки
Словно пьянствовать каблук.

Вот пустился шибко-шибко,
Вот и вздрогнула рука,
Вот и вспрыгнула улыбка
На ладони с каблука.

Шибче и шибче и в трепете весеннем
Выстуки, и вычеки, и вытопы горят.
Миг — и посыпался, забился по коленям
Хлестких ладоней звончатый град.

Больше, больше звончатого града!
Эх, раз, еще раз!
Вихри лихих, оглушительных радуг
Начал вычеканивать пьяный пляс.

Начал вычеканивать и, оторопью встрепан,
Начал вбрасывать и в жар и в озноб.
Вот и — в задоре стремительного топа —
Ладонями, ладонями и в рот и в лоб.
Еще бы подзадорить, и все пошло б
Всполохом безумья... И вдруг — стоп!..
Мертвое мгновенье — и потоп
Огромным восторгом взъяренного хлопа.

1926

---

* * *

Вот опять я встретился с тобою,
Городской — с тобою, полевой,
Словно васильковую тропюю
Пробежал трамвай по мостовой.

Ах, какая благодная доля —
Лишь одной походкой воскрешать!
Ты идешь — и запахами поля
Тротуары начали дышать.

Ты идешь — и вот опять дымится
Сладкой зеленью твой каждый шаг...
Ты уйдешь, — и мне опять томиться
Полевым виденьем в этажах.

1924

---

* * *

Вот огромный поезд из Ростова
С грохотом примчал твои глаза,
И не только сам, — восторгом снова
Дрогнул и московский мой вокзал.

Словно там, в глазах, взгорался порох —
Так и порывалась взглядом их...
И пошла, взлучая черный всполох,
Чаровать знакомых и чужих.

Даже и приказчик магазина
Облик свой прилавочный терял
И твое простое имя Нина,
Услыхав, невольно повторял.

Черный всполох глаз и это имя!
Как твой образ мною завладел!
Мнилось, что твоими же, твоими
На тебя глазами я глядел.

Теребил ли день в житейском рвенье,
Иль склонялся ночи тихий час, —
Так вот и ворочалась в виденье
Всполохом прекрасных черных глаз.

Были нежны помыслы и грубы:
Длеть восторг иль, тело обнажа...
И теснились пьяной тягой губы,
Слитной завистью дрожа.

Вдруг твои глаза назад метнулись,
И, как я, готовый загрузить,
Каждый угол переулков, улиц
Их просил подольше погосгить.

И просила каждая витрина:
«Милая, помедли, погляди!»
А в груди-то у меня, в груди
Так и колотилось: «Нина, Нина,
Нина, Нина, погоди!»

Погоди! В волненье вдохновенном,
Под прекрасный черный всполох глаз,
Эх, о самом, самом сокровенном
Я б тебе поведал свой рассказ.

Но огромный поезд в даль Ростова
От меня умчал твои глаза.
Дрогнул сам прощальной дрожью слова,
Дрогнул и московский мой вокзал.

---

* * *

Здравствуй, здравствуй, мой город
родной!
Друг на друга, а ну, поглядимся.
Что ж не радуешь думы хмельной
Твоего молодого родимца?

Дымной гонкой стальных поездов,
Знать, любовь мне походку сломала:
Так и клонится шепот шагов
К отдаленному шуму вокзала.

Где ж ты, трезвый закал головы?
Взвевял ветер, — и чудится шагу,
Что втянулись и стены Москвы
В дорогую ростовскую тягу.

И, мутя свой московский покров,
Словно вздумав пуститься в прогулки,
Выпрямляются и на Ростов
Устремляются переулки.

И, как будто качаясь с вина,
Покатились и улицы сами.
Это издали, значит, она
Поманила столицу глазами.

Я иду, и о ней на пути
Мне пространства шумят, как
шарманки.
Не уйти, ах, никак не уйти
От ее черноглазой приманки!

1926

---

* * *

Чу! Как сердце бьет горячим громом.
Это начудила ты со мной:
Все родное сделала знакомым,
А себя, знакомую, — родной.

Уж на что, бывало, солнца имя
У меня вскипало на губах,
А теперь ресницами своими
Ты растеребила солнце в прах.

Хоть и чуждой плоти порожденье,
Хоть мне ближе отсвет русских лиц,
Я люблю тенистое смятенье
Искусительных твоих ресниц.

Я люблю — и так, что часто мнится,
Слозно там, где только тень бежит,
В этих трепетных твоих ресницах —
Жизнь моя, судьба моя дрожит.

Потому: то бережным смущеньем,
То — безумств ревнивых острие —

Провожая хищным восхищением
Каждое движение твое.

И такой тревожною любовью,
Милая, я жажду уловить,
Не порхнет ли у тебя под бровью
Хоть дыминка, хоть намек любви.

Ты в любви подчас и уверяешь —
Это лишь растроганная ложь:
Слишком ты любезно повторяешь,
Что тебе я дорог, мил, хорош.

Ничего от страдных глаз не скроешь:
Он сквозит, холодный черный ров.
Ты меня, мой друг, не успокоишь
Золотистой оттепелью слов.

И могу ль поверить ласки зорям?
Лучше ты, голубка, не волнуй:
Зажигая радость, светит горем
У меня твой каждый поцелуй.

Ты сулишь, что жизнь мою проводишь
До кончины, счастье подарив.
Что же ты опять рукой отводишь
Слитного желания порыв?

1927

---

* * *

Я теперь навеки в счастье гулком,
Хоть когда-то, словно ради зла,
Жизнь меня невзрачным переулком
Горевать в великий мир ввела.

Этот мир мне странно открывался,
И свой дух я странно ублажал:
Днем кулачным боем волновался,
Вечером я Тютчевым дрожал.

Но, гася чужого дара пенье,
Часто вечер к ночи приносил
Дорогое кровное кипенье
Непонятных сокровенных сил.

Я вскипал горячими шагами
И, сознаюем бодрствуя едва,
Начинал невольными губами
Сладко комкать страстные слова.

И, взгорая вдохновеньем ранним,
Хоть судьба его была глуха,
Мучился блаженным бормотаньем
В таинстве рождения стиха.

И казалось: в страсти бормотанья,
В миг, когда блаженством стих томил,
Теплым светом своего признанья
Откликался мне великий мир.

И повсюду веял трепет вещей
И таким был чувством накален,
Словно все обыденные вещи
Я вочеловечить был рожден.

Но когда в житейском обращенье
Кто меня поэтом окликал,
В крепком недоверчивом смущенье
Я пред этим званьем поникал.

Ну, лицо лицом, чего же проще,
Никаких особенных примет, —
Сколько раз себя я брал на ощупь —
Неужель и вправду я поэт?

Я высокого стеснялся права
Называться именем творца
Даже и тогда, когда и слава
Стала звать поэтом без конца.

Я не мог поверить массе знаков,
Что мне мир певучесть даровал, —
Только лишь вчера, и худ и мал,
Вдруг от собственной строки заплакав,
Сам себя поэтом я назвал.

1930

---

* * *

Я песней солнца одарен,
Но я люблю ночной порою
Смотреть, затишьем умудрен,
Как на Москву со всех сторон
Своей старинной темнотою
Облокотится небосклон.

Брожу вниманьем глаз по нем
И, хоть сродни весельем маю,
Я хмурюсь в сумраке глухом,
И почему-то, сам не знаю,
Всегда отца я вспоминаю
Склоненным тихо над столом.

Склоненным в пристальной тревоге
За нашу детскую судьбу...
Был темен жизни норой строгий
Ему, гражданской тьмы рабу,
И выразительней дороги
Тревога жилилась на лбу.

*

Всегда видением упрямым
Грозил нищая беда.
Ах, даже сильным, храбрым самым
Был дик и страшен мир тогда,
Обезображен тяжким шрамом
Порабощения труда!

Устанешь молодой душою,
Но вспомнишь мрак былых времен,
И новых сил вскипает звон.
Быть может, потому, не скрою,
Люблю, друзья, ночной порою
Смотреть, затишьем умудрен,
Как на Москву со всех сторон
Своей старинной темнотою
Облокотится небосклон.

1929

---

* * *

Словно робким солнцем налита,
Тихий взгляд в сияющей тревоге,
Бережных движений полнота:
У тебя ребеночек в дороге.

Всполошится радостный испуг,
Теснота дыханья притаится,
Только примется так шумно вдруг
Он упругим чудом шевелиться.

В дни борьбы он был зачат и рос.
Беспокойное его движенье
Не великих ли гражданских гроз
Кровное, живое порожденье?

И не потому ль, свой плод любя,
Ты таких забот роняешь вздохи,
Что под сердцем бьется у тебя
Образ нашей пламенной эпохи?

Уж близка рождения страда,
Может быть, она и по соседству...

Милая, мужайся, будь горда!..
Жизни, счастья долгие года —
Молодой республики труда
Дорогому, славному наследству.

1929

ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА

Еще вот и солнце не выкатилось
И сон его высей не сломан, —
Вскипая московскими толпищами
Без краю и без конца,
Огромный,
Он выплыл,
Он высыпался,
Пошел по городу гомон,
Раскатом прекрасного праздника
Раскаливая сердца.

Все новыми, новыми топотами
Торопится, ломится столица,
В глазах толкая лозунгов
Подъемные слова,
Полотнищами, знаменами —
Вся огненная — громоздится,
Взволнованными колоннами
Пошатывается Москва.

Великой силой откликаясь,
Отбрасываясь за небесами,
Взрываются тысячными вскриками
«Да здравствует!», «Ура!»,
И радостными, праздничными радугами
Шарахается над рядами,
Гудит над шеренгами шествия
Бесчисленных песен тора.

Торжественные оркестры,
Октябрь славой осыпая,
Обрушиваются музыкой,
Напруживаясь вьюгой губ,
На улицы, на площади,
На плотные толпы наступая
Солнечными, звончатыми
Хоботами губ.

И ласково крушит уши
Крылатая бравая орава
Нагрянувших аэропланов,
И, страстью демонстрации горда,
Разукрашивается, играет,
Перекачивается слава
Разблеставшегося сталью диктатуры,
Расшагавшегося праздника труда.

И долго-долго колышется,
И долго столица теснится,
И движется мимо правительственных
Почетных подножий Кремля...
И мнится: вот-вот — и от грохота

На годы оглохнет земля.
И мнится: вот-вот — и раздвинется
Рабочей мощи столица
И, мощью веселое множество
Других городов надела,
Вдруг хлынет,
Стремительно ринется,
Прорвет рубежи и границы,
Величественным и убежденным,
Чуть строгим восторгом бурля.

1934

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Вот уж отдан толков тьмой
Долг людскому празднословью,
Что давным-давно с тобой
Мы покончили с любовью,

Что давно хмельной прибор
Мной иной любви изведен,
Что давно я стал другой
Всей теплыню сердца предан,

Что давно в донском краю,
Звездным орденом взлученный,
Холит молодость твою
Твой супруг краснознаменный.

Вот уж в возрасте моем,
Полный слез, прожжен тоскою,
Всевозможных пыток грам
Уступил всерьез покою.

Даже зависти родня,
Наших душ лихая древность,
Глупой яростью огня
Улеглась, потухла ревность.

Лишь не выбьешь из крови,
Как ты, улыбаясь мило,
Вымогательством любви —
Злым соблазном жизнь сразила.

Как мой взор казнила ты,
Обольстив самой боязнью,
Искушенной красоты
Искусительною казнью.

Словно выходцы темниц
Иль ночных стихий потомки,
Предо мной твоих ресниц
Плыли длинные потемки.

Взглядом праздного слепца
Я взирал, как жарче жажды
Так и рвался к нам в сердца
Жар гражданской тяжкой тяжбы.

Как голодная страна
Страшно маялась пред нами,
Как шарахалась она,
Вся гремя, шумя фронтами.

Как, скликая города,
Города, поля и гати,

Напрягалась власть труда,
Отражая вражьи рати.

Но, к величью дней глуха,
Безответна, как могила,
Ты лишь моего стиха
Громкий голос надломила.

Что тебе была мечта
Сердца бедного поэта,
Коль по горло не сыта,
Коль ты в роскошь не одета!

Хоть ты мной пренебрегла,
Надломив мне мощь напева,
Но любовь мне сберегла
Этот крепкий голос гнева.

Как ты лаской ни шурши
В пышном шике петушином,
Хищной хитрости души
Не прикроешь крепдешином.

Не прикроешь никаким
Даже золотом и солнца,
Даже орденом самим
Твоего краснознаменца.

В темном мороке, влюблен,
Он, быть может, тоже тонет,
Но, опомнившись, и он
Ложь шелков твоих прогонит.

Отметись ты, скройся прочь,
Сгинь ты, роскошью блистая,
Мира гибнущего дочь
И сообщница пустая!

Не морочь и не порочь,
О прогнивших сил комета,
О ресниц лихая ночь,
Счастья нашего рассвета!

1935

---

* * *

А. К.

У судьбы ты прелести не клянчила,
Прелести, свергающей с ума,
Словно родила тебя и нянчила
Прелесть песказанная сама.

Не один влюбленный глаз расплачется,
Чуточку обласканный тобой,
Нежности прекрасная растратчица,
Искристой стыдливости прибой.

И диковинка плывет в сознание,
Как тебе сквозь кровь и копоть гроз
Это легкое твоё дыхание
Пронести, как розу, удалось.

Нет, но ты не женственная неженка
С обаяньем ясных глаз твоих!
Нет, но ты не ветреная беженка
Всех бывалых тягостей людских.

Вот начнет порой стучать прикладами²
Наглый враг в стальную дверь страны
И взметнет перед твоими взглядами
Призрак сокрушительной войны, —

Не могу я силы чувства вынести
И тебе невольно стих пою:
Как спокойно твердый дух решимости
В нежность пробирается твою.

Ты готова и дойти до крайнего:
Навсегда закрыть в бою глаза,
Чтоб страну твою не заарканила
Рабского бесправия гроза,

Чтоб цвела она, с которой пройдена
Испытаний гордая страда,
Счастья завоеванной родина,
Мать краснознаменного труда.

1936

---

* * *

О сближенье не было и речи.
И давно ль с тобой мой взгляд знаком?
Только лишь, случается, при встрече
Я с тобой здороваюсь кивком.

В искрометном всполохе высоком
Пронесешь ты с гордым вздохом грудь,
И в крови взъяренным солнцепеком
Затомится мой спокойный путь.

Ослепишь ты, но в затменье взгляда
Вдруг всплывет, вся скромности полна,
Жизнь моя, любовь моя, отрада,
Мой святой товарищ, друг, жена, —

Та, что мрак любого испытанья,
Чтоб создать мне счастье и покой,
С обликом простого обаянья
Отражает твердою рукой.

И затмишься в памяти забвеньем...
В пышности, в величье красоты,

Так, лишь соблазнительным мгновеньем,
Прозвучишь, томительная, ты.

Лишь на миг вскипают наважденья,
И, обуреваемая мной,
Утихает буря вожделенья —
Бурей, проходящей стороной.

1936

Лисья шуба и любовь

П о э м а

Жизнь!
Громадина!
Громадина разноглазая!
Радуга чумазая!
Небо и подвал!
Сколько раз,
О радуга чумазая,
О тебя я думы, о тебя я душу
разбивал!

Проклинал и славил,
Проклинал и заманчивым
Удивлением
Расцветал опять,
Изумлением
Брань оканчивал
И опять начинал тебя прославлять.

Жизнь!
Ну, и как же тебе,
Разноглазой громадине,
Не дивиться, чудачка,
Не дивиться вновь и вновь,

Если вот —
О, не шутка ли? —
У тебя на одной перекладине —
Лисья шуба и любовь!

Лисья шуба и любовь...
Не правда ли — близкая братия?
Не правда ли — хоть куда родня?
Эх ты, жизнь,
Проклятая ты шатия!
Ну, за что ты,
За что ты тиранишь меня?
И зачем ты меня
В зеленыя пахучие,
Тротуарного, занесла
И — с безумья ль, со зла —
За июнь пахучего благополучия
На года страданий обрекла?..

1

Да, был июнь,
Когда поезда громыхание
Прикатило меня...
И вот я в лесах и полях:
Загуляло мое дыхание
У зеленых, у новых знакомых в гостях.

Каждый день
Упоительным изобилием,
Сладостными далями
Потчевали меня поля, —

И, забитый вывесок
Крикливым железным засилием,
Я глазами, как радугами,
По сладостным далям гулял.
Так гулял я, разгуливал
И распахнутым благоуханием
Переулков удушье в груди заливал...
И вдруг — чьим-то тихим дыханием
Мне навстречу пахнула трава.

Не знакомая, зная, с тротуарной
шумихою,

Шла,
Еле поступью шевеля,
Каждый шаг провожая
Стыдливостью тихою-тихою,
Тихою, как ее поля.

Тихой стыдливостью пышной
Зацепила...
Смутила меня...
Я молчал...
Тихо было...
Но было слышно,
Как всходили любви зеленыя.

Словно раньше дышал
По земным обычаям,
А при ней
Словно небом дышал, —
Свежим, трогательным величием
Наливалась душа.

С каждым днем все тесней
Мы встречались дыханьями,
И, стыдливая,
В летнее цветенье дней,
Вместе с летом, с цветами и далями,
Приходила родней и родней.

И величие мое любовное,
Тихо имя любви притая,
Вырастало в величие кровное
И теснило свиданий края.

2

Дни цвели...
И в разгуле дыхания,
Полевою любовью объят,
Я забыл, что на нас, на свидания,
Словно старого грома раскат,
Надвигался раскат громохания,
Мой удушливый, шумный возврат.

Вдруг —
И гулками
Затуманились далями глаза...
И едва я полям «до свиданья» сказал,
Как сграбастал меня,
Тяжкой сталью связал
И дышать, оглушать переулками
Покатил меня поезд назад.

3

Снова жизнь меня в вывески втиснула...
 Но любовь
 Их железо и сталь
 Словно тайно пространствами
вспрыснула,
 И всплывала сквозь вывески даль.

Дни неслись... Громоздились шумихою...
 А в груди дальний запах бродил,
 И душистою поступью тихою
 Эти дни проходили в груди.

Лишь томили, что снова не скоро там —
 Там, где дали, — дыханью гулять,
 Что не скоро кованым воротом
 Город душу отпустит опять.

И, невольню томясь в ожидании,
 Дальним запахом тихо дыша,
 О великом, о кровном свидании
 Беспокоилась кровью душа.

4

Даль, казалось, все ярче, приветнее
 Сквозь железо звала в зеленя...
 А кругом, для меня незаметнее,
 Чем мгновенье забытого дня,
 Холодами обличье летнее
 Начал кованый город менять,

Словно дух свой, удушьем придушенный,
Он, железный, и сам невзлюбил
И осенней сквозистой отдушиной
В переулках своих зазнобил.

А потом, за осенней отдушиной,
Чтобы крепче свой дух прохладить,
Начал город морозными стужами
Каждый день по железу гвоздить.

Но ничем — ни железом, ни холодом —
Нет, не мог он виденья унять:
Даль всплывала,
Всплывала над городом,
Даль всплывала,
Звала в зелена,
Зеленями маня,
Зеленями пьяня,
Даль плескалась в глазах у меня, —
И готов был тоскою, как молотом,
Грять в лопуть морозного дня:
Ах да скоро ль, да скоро ль,
Да скоро ль там, —
Там, где дали, — дыханью гулять?..
Скоро ль, скоро ль кованым воротом
Город душу отпустит опять?..

5

Тосковал... Тосковал... Тосковал...
И не даль —
Стал казаться провал.

День за днем —
Словно льдышка за льдышкой...
Вдруг —
И словно я ветку сорвал,
Словно город свой дух расковал, —
Передышкой
Мне повеяли дни рождества.

6

Словно я в разгулье праздника
Переулки распахал,
Я наполнился пространствами
И шагами запорхал.

И дорога стлалась травами,
Распускалась в лад шагам,
Словно город с тротуарами
Отдавал себя лугам.

И не зря я над каждой березкою,
Там, где дали, голубил глаза, —
Хоть и гулкой опушкой громоздкою,
Показался опушкой вокзал.

И, свиданием дыхание,
Как гармонию, веселя,
Снова, снова громыхание
Понесло меня в поля.

Ах, и какими же обворожительными,
 Обольстительными бреднями
 Разукрасил глаза любовный запой! —
 Так, что дали
 Казались соседними,
 Так, что, полный видений,
 Я был до блаженства слепой.

Ой, да где же вы,
 Душистые мои друзья-приятели,
 Пестрой памяти цветистые луга?
 Словно все цветы свои,
 Все запахи свои растратили
 И белесо выдохлись в снега.

Эй, да что там за беда!
 Свидание... Свидание...
 Что с свиданием снега лугов?
 И в груди так и бродило ожидание,
 Что вот-вот пахнет и со снегов
 Тихое благоухание
 Полевых ее шагов.

Но лишь только ветер
 Оторопью ломкою
 Набегал, взметался,
 И снега трепал,
 И белесою поземкою
 Ожиданье осыпал.

А потом, скрепляя память с городом,
И морозы вперлись на снега
И принялись так вгрызаться холодом,
Что себя и ветер застегал.

И вцеплялись, вгрызались морозы
В запой очарованный мой,
И за пазуху ветер совал опасение,
Что с июньской мечтой
И с любовью самой
Я продрогну, простыну,
Как нищий с сумой.
Но зима хоть и мне не была
Ни сестрой, ни кумой, —
Нет, не мне было мнить опасение:
Научило пальтишко весеннее
Беззаботно справляться с зимой.

8

Вдруг и там, словно резвые птенчики, —
Там, где хаты вмянулись в путях,
Зазвенели весельем бубенчики,
Мне навстречу сквозь холод летя.

И, взметаясь замашками бойкими,
Вдруг поля саданули меня
Расписными нарядными тройками,
Святкам пьяную славу звеня.

И, чтоб словно и я
Был обласканным святками,

Шибче бились бубенчики
И, летя по снегам,
Прозвенели любезной подсказкой шагам:
«Там она, о любимая, там, —
Там, где хаты впятнулись заплатками,
Там, где праздничных радостей гам».

9

Поля обрастали беззвездною тьмой,
Как будто крестьянские святки
Пустились играть с одиноким, со мной,
В какие-то хитрые прятки.

Но пахло распахнутой гарью кутил,
И пьяно взгорались окошки,
И прямо неистово тьму теребил
Заливистый голос гармошки.

Была бесшабашная пляска слышна,
Шарахалась вскриков ватага.
И, тихая-тихая,
Там — и она,
Она, моя тихая тяга.

Быть может, томится гуляньем лихим,
А может быть, праздника ради
Бойчится стыдливым дыханьем своим
И пляшет в цветистом наряде.

И, плавно смиряя горластый насад
И сладко крутясь ветерками,
Кружится она, — и цветистый наряд
Исходит венками, венками.

10

Долго и, быть может, бесполезно
Мне пришлось бы путаться во тьме,
Если бы бубенчикам любезно
Вдруг к ее крыльцу не прогреметь.

Видно, нет, не мне судила доля
Эту честь — сегодня быть у ней,
Как подснежнику весной у поля,
Первым гостем из гостей.

11

Скрипнула последняя ступенька,
И замгнулся в сумрачных сенях.
Лишь на миг примнилось мне: маленько
Засветились сени в зеленях.

Словно дом был мой, и вход был взломан
И грозил угрозой потерь, —
Трепетный, нетерпеливый гомон
Торопил скорей отдернуть дверь.

Распахнул я тяжесть плотной двери...
Распахнул, —

И будто бы в глаза
Вдруг шарахнулись, вгрызаясь, звери:
Благостно целуя образа,
На коленях, преданная вере,
Наклонялась... За слезой слеза
Скатывалась, — и от двери
Я едва до ней свой путь связал.

И, разбрасывая волненье,
Как в стремительный провал,
Под отцовское благословенье
С ней, заплаканной, упал.

И с мольбой, да с болью, да с приветом
Начал я уламывать отца:
— Эх, давно,
Еще минувшим летом,
Крепко-накрепко любви заветом
Мы связали юные сердца.

Ах, не дай ты нам расстаться мучась,
Нас другою кровью разделя...
Не крои ты нам другую участь:
Разливая сладких трав пахучесть,
Нас давно сосватали поля...

— Иль ты больно прост,
Иль больно тонкий, —
Ишь чего ты, парень, захотел!
Ты бы, прежде чем дурить с девчонкой,
Прежде чем обзаводиться женкой,

Обзавелся теплой одежкой,
Поприглядней свататься летел.

Много вас чадит чудным туманом
И любовью драною своей,
Подбирается к приданым
Легковерных дочерей...

И отпрянул я,
И не ответил...
Я не мог ни звука сдвинуть с губ...
И, в затмение пятясь, лишь заметил,
Как все те, кого приход мой встретил,
Полыхали жаром лисьих шуб.

12

Ах, июньские травы!
Ах, лучше бы прочего
Вам, поля, и в мечтах не взмущать!
Ах, так вот чем
Вы начали потчевать,
Вот как стали меня угощать!..
И зачем вам
Отравую грубою
Надо было любовь отравить,—
Словно только пушистою шубою
Согревается сила любви!

Кто бы, кто,
Ну, а вы ли не ведали,

Как я вашу роднушку любил?
И за что вы
Любовь мою предали,
Чем я вам, о поля, нагрubil?

Эх, поля вы, поля!
Я ведь травами сладкими
Так всю душу свою напитал,
Что и сам
Полевыми повадками,
Тротуарный,
Как луг, расцветал.

Как я вкуса любви ни пригубливал, —
До сих пор в сердце спор не погас:
То ли вас
В честь ее приголубливал,
То ль ее
Я любил из-за вас?

К ней вздымалась
В томительной продыми
Самых благостных грез дороговь,
И по ней,
Как бродяга по родине,
Тосковала заботливо кровь.

И, толкаясь страстями любовными,
Знаю, бредилось крови не раз, —
Словно нашими скрепами кровными
Были крепки и скрепы пространств.

И тихонько, тихонько, тихонечко
Сквозь полночное забытье
Часто брезжил мне облик ребеночка
Моего и — далекой — ее...

13

Ожидал ли подобного лиха я
На великом любовном пути?
О любимая,
Тихая-тихая,
О заплаканная, прости!..

Ах, прости ты меня,
Думой хмурюю
На меня ты, мой друг, не сердись:
Я не знал, что звериною шкурою
Управляется мудрая жизнь.

Лисья шуба...
Разлучница дикая,
Где ж теперь мне тебя раздобыть?
С детских лет горе бедности мыкая,
Знать, судьба мне
Любовь загубить.

Лисья шуба...
Обшита... обкутана
Лисьим мехом сукна полоса...
Лисьим мехом...
Ах, значит, припутана
К этим бедным мученьям лиса...

Ах ты, лиска, лиска!
Золотая краса!
Эх, да ринусь-ка прямо в леса,
Прямо кинусь к лисе за подмогою,
Разрыдаюсь
На все голоса,
Разметаюсь
Одеждой убогою,
Лисью совесть любовью растрогаю, —
И, быть может, поможет лиса.

14

Шагал, как простой побирушка,
Шарапал шагами снега.
Бедняжка лесная опушка
Была, как сиротка, нага.

И остро деревья глядели,
Как будто влюбленные все,
Березы, и сосны, и ели
Пришли приодеться к лисе.

Ах, где ты —
Далеко иль близко?
В белесых снегах отзовись,
Явись, моя милая лиска,
Явись, дорогая, явись!

Вот кто-то глухой перепрыжкой
В снегах огонек показал...

И вдруг —
Как сверканьем гроза —
Шарах!
И пушистою вспышкой
В снегах опалил я глаза.

И вскриком дыханье затискал.
Но — ах! —
Я и рта не раскрыл,
Как скрылась пугливая лиска
В незримом прорыве норы.

15

Ах, не бойся!
Ах, мордочку высунь-ка!
Ах, да выслушай боли мои
И звериную милость яви!
Ах, пожертвуй пушистые силы свои
Ради правды, —
Ах, лисанька, лисанька! —
Человеческой бедной любви.

Цепким нюхом своим,
Как бы лапою длинною,
Ах, поймай ты
Мучения нить!
Ах, пойми ты
Смекалкой звериною,
Как мне надо людям угодить,
Как мне надо твоею пушниною
Пред людьми свет любви нарядить!

Дивным светом любви,
Знать, подобился небу я,
Хоть средь вывесок долго и чах,
И не чаял, что, бедностью гребуя,
Этот свет омрачат, облича.
Но вломился любимой родимый очаг
И, глумясь над любовью, сиявшей
в лучах,
Заграбастал любимую, требуя,
Чтоб любил я с лисой на плечах.

Ах, да глянь из прорыва незримого!
Ах, да выпрыгни, вспыхни опять
И, как сына родимая мать,
Пожалей ты судьбиной казнимого:
Из-за лисьей пушнины любимого
Человека навек потерять!

Пожалей ты,
Ах, сжался, пожалуйста,
Хоть над ней-то, тишайшею, ты
И, быть может, на время и в малости,
Взвевя нежностью зверя черты,
Пожалей ты величием жалости
О ребенке людские мечты.

Ах, отдай!..
Подари!..
Сделай мне одолжение!..
Помоги, хоть и помощь лиха,—
Скинь пушное свое украшение!
Ах, не дай мне дойти до греха,—

Лишь одна ты живое спасение...
Не останься ты к просьбе глуха!
Ты смени мне пальтишко весеннее
На свои золотые меха.

Лиска!
Милая!
Дорогая!
Золотая! Лисичка! Лиса!..
Как ни кликал,
Лаская, рыдая, —
Клич обратно бросали леса.

16

Ах ты, гибель надежды обманчивой!
Хоть в могилу с любовью ложись...
Видно, как ни проси, не выклянчивай, —
Не на жертве покоится жизнь.

Видно, жизнь и снаряжена иначе,
Видно, каждому ближе лежит
Безобидность своей волосиночки
Всех великих страданий чужих.

Знать, любви упования красивые —
Разных праздных напраслин былье.
Знать, кровавою хваткой насилия
Добывается право свое.

Что ж!
Влюбленного и любимого

Веским правом послушаем жизнь!
Эх, лиса!
Из прорыва незримого
Лучше мне ты теперь не кажись.

Сгиньте прахом, плачевные нежности!
Жаркой силою боль отогрев,
Закипай в боевой неизбежности,
Брат насилья — спасительный гнев!

Ах, любовь, ты любовь...
Ах ты, бедная странница!..
Сменим снова на город леса
И вернемся не кланчить,
Не кланяться,
А как только лишь мордочка взглянется,
Грянем выстрелом, —
И роса
На белесых снегах зарумянится,
И растянется,
И расстанется
С золотыми мехами лиса.

17

Ах, грохай,
Ах, грохай,
Ах, грохай,
Терзай, как и раньше терзал,
Ломай городской суматохой
Истому страданья, вокзал!

Любезные, томные вздохи —
Любви и не в блеск и не в честь.
В стальной городской суматохе
Любви надо дерзость обрести.

18

Улицы, как бабы-краснобаи,
Людные, орали там и тут.
Звончато долдонили трамвай,
Волоча чугунный душный гуд.

Черствою скороговоркой
Мчался гром извозчичьих колес,
И, чеканя камень, дробью оркой
Кованое цоканье несло.

И, в сполошном зыке обезличась,
Двигалась, туда-сюда снуя,
Торопливых, говорливых тысяч —
Пестрых пешеходов толчея.

Зычный город!
Знать, меня увлек ты.
Пробираясь до житейских мест,
В толчее обталкивали локти
Полевых пространств привычный жест,

Словно были рады новой встрече,
Обнимали здания тесней,
И наваливались на плечи
Тяжкие громады этажей.

Где же ты,
О кровное объятье?
Вдруг —
И вздрогнул я дыханьем сам:
О мехах и о готовом платье
Закричала вывеска глазам.

И обширнейшего магазина
Прямо, прямо предо мной
Ослепительная витрина
Заметалась радугой пушной.

Полыхали пышные лисицы;
Сединой блистательней рубля
Лоснились бобры, цвели куницы,
И сияли знатно соболя.

И, слегка свое сиянье застя,
Знак цены мне соболю показал.
Миг —

И очарованным ненастьем
Задымилась бедные глаза...

Лишь одна бы ладная лисица,
Я бы камни с гор таскать готов, —
А в лучах витрины чьи-то лица
Зарывались в роскоши мехов.

Эх, да мне на что же за мехами
Ударяться в дальние леса,
Если вот и здесь, и в тяжком гаме, —
Хоть богатый соболю, хоть лиса.

Если мудрость мира век от века —
Добывать насильем благодать, —
Все равно: лису иль человека
Року этой мудрости предать.

Ах, поймать того, кого расперло
Роскошью мехов, в глуши ночной
И теплынь закутанного горла
Туго-туго стиснуть пятерней,

Чтоб не в силах было и перечить
Нападенью бедственной любви,
Чтоб скорей сорвать меха на плечи,
На мои на плечи, на мои!

Эх, да запахнусь в соболью шубку!
Эх, да как рванусь опять в поля:
Выручайте кровную голубку,
Добывайте счастье, соболя!

19

Взирал на соболье сиянье,
И замысел ночи ковал,
И вновь полевое свиданье
Любимой мечтой смаковал.

Ввалиться собольим нарядом
К любимой в родимый очаг, —
И голос отца мармеладом
Затает в собольих лучах.

И, сладко меня величая,
Сменяя почтенье на лесть,
К домашней душевности чая
Отец заторопит присесть.

И сам поведет стороною,
Что он-де нисколько не прочь,
Чтоб стала моею женою
Его легковерная дочь.

И звончатым чоком ладоней
Согласье у нас прозвучит
И с ней, с васильковой тихоней,
Навеки меня обручит...

20

Вот так размечтался о счастье,
Но краем мечты замечал,
Что чуть ли не каждый в ненастье
Витрину глазами встречал.

Мелькали ненастные лица,
Как длинный мучительный сон...
Ах, значит, мехами томиться
Не я лишь один обречен!

Ах, этим оброком несчастным
Мне чуть ли не каждый чета!
И вторила взором ненастным
Невольною тенью мечта.

И было неловко до боли,
Что свет человеческих глаз —
Чудесный и мудрый алмаз,
Взирая на шкуры собольи,
В завистливом рабском бездолье
Кривится, как дикобраз.

21

Ах, любовь, ты любовь!..
Я ни разу с опаскою
Не допытывал волю твою.
Но какую досадной повязкою
Обкрутила ты совесть мою!

Ах, ворочай, переворачивай
Наизнанку о счастье мечты!..
Кровной доли приманкою вкрадчивой
Правду счастья застала ты.

Ну, я стисну мехами распертого,
Разодену страданье свое,
Но останется прежнее чертово
Мехового засилья житье.

Ах, любовь, ты любовь!..
Как твоими зарницами
Теплится радостный праздник души,
Если прежними скорбными лицами
Станет жизнь этот праздник тушить!

Только я лишь мог сердцем измаянным
Примириться, покорнее мха,
Чтоб остались полным хозяином
Человеческой жизни — меха.

22

Чтоб из-за какой-то лисьей шубы —
О безумье! — не терял навек,
Да притом когда друг другу любы,
Человека человек,

Чтоб житейских нужд покрой наружный
Не теснил проклятой властью грудь, —
Надо взять за шиворот и дружно
Этот мир, как прах, перетряхнуть

И рукой, быть может, и суровой,
Но скроить из мира мир иной,
На иной покрой,
На новый, новый,
На счастливый, солнечный покрой!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волнение глубоко,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем —
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнет и засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец — покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз пронизательный щуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1938

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Светлым помыслом влекомый
В срок отдать свой долг труду,
С прочим людом наряду,
До пылинки мне знакомой
Красной площадью иду.

И шагами быстро мечу
Мирный путь. Но, как вчера,
Искусительно-стара,
Словно рушится навстречу
Смутной музыки гора.

И я слушаю, взволнован,
Тех веков минувших спор,
В чью историю закован
Красной площади простор.

И, кажись, куда ни стукнет,
Торопясь, мой легкий шаг, —
Голос разинских ватаг
Вдруг из тьмы времен аукнет:
«Кто ты, друг их или враг?»

Тот ли ты товарищ Казин,
Ратник правды Ильича,
Ратник красного меча,
Иль ты тот, кому наш Разин
Голову рубил с плеча?»

Уж не летчик ли военный,
Поравнявшийся со мной,
Вызвал образ, но впервой
Мне блеснул и сам Блаженный
Современностью живой:

Словно в маленьких минутах
Чуть века не растеряв,
Он спустился, величав,
На прекрасных парашютах
Взвитых радугами глав.

Только-только куполами
Залюбуешься, идя,
Как, эпохою гудя,
Всю твою взволнует память
Свет почившего вождя.

И, стремительно вскипая,
Мысль и взгляд летят туда,
Где уж давностью следа
Повела тебя скупая
Скорби ясная звезда,

Где по нем, предсовнаркоме,
Скорбь всю в строгость затянул

Остроскулый караул,
Где в большом гранитном доме
Он спокойным сном уснул.

Словно с помыслом о чуде,
Словно ищут счастья тут,
Словно тут их высший суд,
Пестрой очередью люди
Все текут, текут, текут.

Все текут, текут, безмолвны:
Русский, немец, перс, еврей.
Вон, как сумрак, у дверей
Облик негра, — плещут волны
Всех родных, чужих морей.

Чудится: лишь миг незримый,
И мы все до одного,
Все к покою век его
Хлынем — пыл неизмеримый
Человечества всего.

1939

ТВОЙ ОБРАЗ

Уж на что мой стих певуч и нежен,
Но и он, пожалуй, слишком груб,
Чтоб он мог, до поздних звезд прилежен,
Сотворить твой образ дрожью губ.

Мне б такой удачи и не надо.
Я б и так растрогался до слез,
Если б хоть одну улыбку взгляда
Уловить мне словом удалось.

И какое может вдохновенье
Уловить твой образ до конца!
Как мечты, как счастья откровенье —
Эта песня твоего лица.

На тебя глядишь — не наглядисься.
Есть ли что прекраснее того,
Как ты вся пленительно стыдишься
Силы обаянья своего?

1937

В ПУТИ

Обернулась, оглянулась, взглядом
С облачной досадой обдала.
Чтоб опять с тобой пошел я рядом,
Ты меня опять подождала.

Но протек поток беседы краткой —
И опять не мог я устоять,
Чтоб тебя, красивую, украдкой
Не пустить вперед себя опять.

И опять — как будто спрыгнув с елки,
На меня напал мой тайный враг —
Вспыхнувшей сердитости иголки
Стала сыпать в мой отставший шаг.

Ну, а мне до слез веселых любо
Видеть вспышку колкую твою.
Если б знала ты, моя голуба,
Почему я часто отстаю!

Детское, быть может, наважденье
Иль, быть может, солнечный недуг,

Но люблю я это наслажденье —
За тобой следить поодаль, друг,

И ловить, как вспыхивают люди
Встречным светом твоего лица,
С тихой песней о прекрасном чуде
Вслед тебе любясь без конца.

Что собой мне застить образ тонкий!
И я сам пою счастливый стих,
Хоть смотрю поодаль, со стороны
На всеобщий праздник черт твоих.

1939

ХУДОЖНИК

С трогательным взором, смущена
Ложью позы, — видно, с непривычки, —
Ты сидишь пред ним, мой друг, жена,
Солнышко мое — по старой кличке.

Сам тобой любуясь без конца,
Я смотрю, как, жарче раз от раза,
Он в сиянье твоего лица
С полотна бросает жадность глаза.

Как спешит он в пестрой толкотне,
В пляске красок — желтой, красной, синей
Засветить на бедном полотне
Дивный мир твоих стыдливых линий.

Вот уж легкость облика видна.
Вот, хоть и с чужой тебе истомой,
Вдруг заулыбались с полотна
Эти всплески прелести знакомой.

Вот уж и до слез я изумлен:
Он поймал, художник настоящий,
Всей твоей прекрасной силы звон —
Кроткий отсвет, с губ твоих летящий.

Словно выпил залпом сладкий яд,
Весь я у художника во власти.
Только что это за странный взгляд?
Что за тяжкий натиск алчной страсти?

И, как у испуганных детей,
Заметался мрак воображенья.
Всматриваюсь пристальней и злей
В мастера отображенья.

И, ревнивым чувством на него
Выпрыгнув как будто из засады,
Я уже подряд ловлю его
Эти распалившиеся взгляды.

Если и не сладкий яд, с ума,
Знать, свела его лихая брага.
Неужель не видишь ты сама?
Он влюблен, влюблен в тебя, бедняга.

Неужель не видишь ты огня,
В нем, как вихрь, взметенного тобою?
Глянула ты просто на меня,
И пошел мой злобный дух к покою.

Он смущен, влюбленный твой, но, чтя
В час труда взыскательный порядок,

С кистью беспокойной, как дитя,
Завершает славный танец радуг.

Что ж, быть может, даже и в века
Поплывет создание этой кисти!
Ведь водила ею здесь рука
С силою любви, святой корысти.

1939

Зеркало тобой блистало, радуя,
Что прозрачное стекло его
Душу, жизнь мне озаряло правдою
Каждого поступка твоего.

1939

РАССТАВАНЬЕ

Не следил я взыскательным оком,
Как иные ревнивцы следят.
Я поймал невзначай, ненароком
Этот с легкой прохладой взгляд.

Не попал ли туману в засаду?
Может, с поля, от россыпи рос,
Эту легкую взгляда прохладу
Наступающий вечер нанес?

Хоть бы с искорку вспыхнуть ошибке!
Как он ни был и скрытен и мал,
Даже в тихой, чуть видной улыбке
Я намек расставанья поймал.

И нужна ль тут намеков поимка,
Если смотришь ты, взглядом звуча,
Как вон та над молчаньем плеча
Золотая дрожащая дымка
Уходящего в дали луча!

1939

НА БАТКЕ

Забит весь людьми,
Ринувшись с ними,
Каток и сам
Не знает, куда
С подростками, с юношами
И пожилыми
Несется он,
Остров скользкого льда.

И по льду,
Вскидывая неудержимо
С легким похрустываньем огоньки,
Летят стремительные —
Мимо, мимо —
Головокружительные коньки.

То порознь, то бросившись
В пестрые стайки,
То корпусом прямо,
То корпус склоня,
Скользят,
Каруселью мелькают фуфайки

И вихрем веселья
Сшибают меня.

А я, притаившийся в тяжести шубы,
Ловлю и ловлю,
Все ловлю без конца
Ее с мимолетной неясностью губы
И с нею отсвет другого лица.

То с острой тоской,
То с холодом дула,
То взорван от злобы —
Мой гонится взор.
Из дома сегодня
Ушла, обманула,
Укрытая вымыслом,
Скрылась, как вор.

А столько правду,
Столкно добро в ней,
Как образ, крепил я!
И так вот...
Со мной...
Зноем песков,
Раскаленной жаровней
Он жжет меня,
Душит,
Каток ледяной.

Такие ль она открывала мне виды
На счастье, любовь!..
И, как спорщиком сбит,

От неизмеримости всей обиды
Беспомощно что-то язык мой грубит.

И косноязычья
Зычный покоритель,
Громовержец оркестров, песен,
речей,

Вдруг басом взрывается
Громкоговоритель,
Как будто все он ей
Скажет сильней.

Но только и он
Как надо не скажет.
Он только тут к хохоту,
К смеху привык.
И только, быть может,
Мне громкостью смажет
Всем горем, всей болью
Исторгнутый крик.

1939

---

* * *

У страсти в высоком почете
Высокая верность была,
Пока на крутом повороте
Веселою музыкой плоти
Ты в танце мой взгляд не зажгла.

Пока с искрометностью сладкой,
Мелькнув мимолетностью ног,
Мне в душу ворвавшись украдкой,
Меня огневой лихорадкой
Еще поворот не обжег.

Пока я не понял душою,
Что сам я уж больше не тот,
Что воздух не той уж, не тою,
Не той уж любовью святою —
Тобой он, веселой, поет.

1940

ЛЕТЧИК

Уж было заскучала часть
До танца жадных глаз.
Но миг — и, вламываясь в страсть,
Он вдруг ударил, джаз.

И зал задвигался кругом.
И; родины орел,
Так скромно в танце вихревом
Ты девушку повел.

Но зашатался, задышал
Вдруг вихрями высот,
Бесстрашьем ослепляя зал,
Твой каждый поворот.

И, бросив к близости светил,
Ты наше и гостей
Воображенье закрутил
В безумстве скоростей.

Помчал его в безлюдье, в стынь
И просиял, счастлив,

Во льды арктических пустынь
Тепло Москвы впустив.

И вдруг ты ринулся назад —
И в громе криков ты.
Посыпались в твой скромный взгляд
Цветы, цветы, цветы.

И вот залюбовался зал,
Увидев роз дожди.
Твой подвиг орденом блистал,
Мелькнувшим на груди.

1939

МАТЬ

Нет, не в знак случайного желанья,
Не по доброй воле тайных сил, —
Чтоб исполнить кровный долг сознанья,
Я тебя сегодня посетил.

День такой хороший, яснолицый —
Только б улыбаться и гулять!
Что же ты опять подбитой птицей
Там, в кровати, притаилась, мать?

Тихий мрак в твоём покорном взоре,
Уж не тень ли смертного крыла?
Как бы от такой тяжелой хвори
Ты в покой могилы не слегла!

Пусть мой стих хоть всю теплынь
истратит —
Лишь бы биться сердцу твоему!
Если у меня тепла не хватит,
Я у солнца выпрошу, займу.

Как тебя не поддержать под старость!
Я ль не помню с возраста мальчика,
Как меня ты поддержать старалась
После пьянок нашего отца,

Как, закапав скорбью слез украдкой
Весь пустой отцовский кошелек,
Шла к знакомым с совестной оглядкой,
Чтоб добыть мне сахару кусок.

Я ль не помню, думой невеселой
Все напасти прошлого кляня,
Как себя мытарила ты школой,
Сто целковых дравшей за меня.

Чтобы сын твой вышел в грамотеи,
Чтоб не знал он тьмы подвальных мест,
С теплою цепочкой, снятой с шеи,
Ты несла в заклад последний крест.

Тяжкой жизни сгорбленный приемыш,
Всех забот всклокоченною тьмой,
Может быть, сама ты просто вспомнишь
Миг своей улыбки золотой?

Но вот я, ей-богу же, ей-богу,
Я ведь вот не вспомню, чтоб хоть раз
Всю твою бессонную тревогу
Вдруг смахнула радость с добрых глаз.

Что же тут поделаешь! Ведь жалость —
Это над страданиями не власть.

Лишь одно мне, милая, осталось —
Это вновь тот старый мир проклясть.

Страшный мир тот с горем вспоминая,
С той же жаркой яростью, как я,
Прокляни и ты его, родная,
Давняя страдальца моя!

1939

СЫН

Его лишь на день я покину —
Тревоге голосом близка,
Гудит по маленькому сыну
Большая, жадная тоска.

И так всем пламенем вскипает,
Что, всласть ласкающее взгляд,
Куда-то солнце отступает
И ветер пятится назад.

Не половодье ль, не потоп ли?
Он словно мир зальет подчас,
Его вдруг вспомнившийся теплый,
Веселый ливень ясных глаз.

1937

ПОЕЗД

Вот уж сколько времени
Мчусь я этим поездом!
Он еще стремительней,
Видно, мчатся рад,
Пестрым, легким, солнечным,
Быстролетным поясом
Все леса, поляны
Унося назад.

Только я поляну
Хватким глазом спаю,
А она уж — на тебе! —
Выпорхнет другой;
Вон сосенка с бодростью
Мне махнула лапою:
Дескать, до свиданья,
До свиданья, дорогой!

Вон рванулось озеро,
Скрывшись за осинами.
Чуть не со слезой оно
С глаза сорвалось,

Вспыхнув неожиданно
Крыльями гусиными, —
Это, видно, с озером
Детство пронеслось.

Словно, чтоб отдать мне
Хоть росинку юности,
Бросился вдогонку
С горки паренек,
Но и он, в бессилье
Стихнув, пригорюнившись,
Вдруг погас, как спички
Сбитый огонек.

Солнца луч, все пасмурней
По вагону шарящий,
Золотой мой, ласковый,
Ты хоть удержишься!
Эх, да вы, друзья мои,
Милые товарищи,
Это убегает,
Убегает жизнь...

1939

1

Еще дерзанием, жизни силой сладкой
Так и поет мне помыслов поток,
Еще и волосы мои — молчок
О старости, шагающей с оглядкой.
Но, как снежинку, севшую украдкой
На молодость разгоряченных щек,
Поймал я чувства смутною догадкой
Меж мной и миром легкий сквознячок.

И пьян мечтою — сердцем с солнцем слиться
Уж вот не раз тревожно я ловил,
Что пестрых красок пышный, звонкий пыл
Плывет в глазах с обыденностью ситца,
Как будто мир своим лицом остыл,
Как будто он со всей семьей светил,
Пред тем как мне навеки с ним проститься,
Смутившись, на полшага отступил.

Ну, что за трепет? Что за страх,
Что с детства ветер на плечах
При встрече, как приятель, виснул
И что вчера он впоыхах
В объятьях, с песней на устах,
Как прежде, с нежностью не стиснул?

Ну, что за трепет? Что за страх?
И хоть бы солнца свет зачах —
Тебе ль в бесчисленных ночах
С отчаяньем метаться, охать,
Покуда чувствуешь в рядах
Его, людской горячий локоть!

1940

СМЕРТЬ

Еще она застенчиво, несмело
Идет, быть может,
Где-то вдалеке,
Быть может,
И помыслить не успела —
Мой теплый дух предать своей руке.

Еще она оказывает милость,
Что мрак ее
Лишь чуть мне погасил
Ту тайну тайн,
Которая ломилась
Со дня рожденья страстью разных сил.

И хоть немало лет
Уплыло дымом,
Оставив раны старые свои, —
Еще горю я весь
Невыразимым
Восторгом жизни, жадностью любви.

И вот давно ль
Меня ломала буря,
Но все силен в характере моем
Чертенюк —
В людях шуткой, балагурия,
Огонь веселья высечь, как кремнем.

И в сердце столько озорного грома,
Что, тенью застилающего путь,
Вот так и рвешься
Всю серьезность дома
По-детски мимоходом толкаться.

Идешь с высоким солнышком в обнимку,
И словно мир
Сроднился так с тобой,
Что видишь ветра
Каждую ужимку
И блеск его улыбки голубой.

Но ты не видишь, что, шатая плечи,
В твой звонкий шаг
Вползая легкой мглой,
Крадется смерть,
Чтоб сбросить вдруг при встрече
Весь пестрый короб жизни пожилой,

Чтоб сбросить в холод полного изгнания
Всю взрослость плоти,
Искушенный взгляд,
Всю сложность чувств,

Залегший камень знанья,
Созревший дар, ведущий песен лад.

И вдруг, подкравшись
Спереди иль сзади,
Она рванется, обоймет тебя.
Метнется ветер,
Съежившись во взгляде,
Споткнется солнце,
Блестками рябя.

Ты, может быть, и выдержишь,
Ты спрячешь
Смятенье сердца в строгости лица,
А может быть,
Ты сердцем и заплачешь,
Роняя миру скорбный вздох конца.

Быть может, к горлу
Взбросятся рыдания, —
Ну что ж, и даже в голос,
В крик, навзрыд
С любимым миром
Страшный миг прощанья
Омыть слезами — не зазор, не стыд.

Я и без слез бы с миром мог проститься,
Но только б слышать
Пылкий вихрь живых,
Но только б мыслить
Мой нехитрый стих,

Но только б, имя помыслов моих,
Вот это счастье:
Тихо мне светиться
Под маяками глаз твоих больших.

1940

Но только б, имя помыслов моих,
Вот это счастье:
Тихо мне светиться
Под маяками глаз твоих больших.

1940

Бросалась к мужьям и назад, по старинке
Рвала себе волосы, в даль голося.

Все ширился пропастью ров расставанья,
И, пролитых слез не стирая с лица,
На палубу острое буйство страданья
Врывалось, стучась пассажирам в сердца.

И в каждом взрывалась страшная жалость,
Но как ее ни были взрывы страшны,
Она виновато, беспомощно жалась
К сознанию твердого долга страны.

Хоть каждая к сердцу была ей кровинка,
Страна приказала: — Все муки узнай,
Жизни лишись,
Но нет, и суглинка
Вот эту немудрость
Врагу не отдай!

1941

ЭХО

Мы дождались хохота, смеха.
Гром, огонь и смерть позади.
Но войны тяжелое эхо
Все поет еще в нашей груди.

Все поет еще голосом фронта,
Над Москвой пролетая, гроза.
И порой к черте горизонта
Поднимаем с опаской глаза.

И дивимся не без опаски,
Как за молнией, чуть погодя,
Раны в памяти разбередя,
Прогрохочет громом фугаски
Вдруг упавшая капля дождя.

1945

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Сквозь гул Москвы, кипенье городское
К тебе, чей век нуждой был так тяжел,
Я в заповедник вечного покоя —
На Пятницкое кладбище пришел.

Глядит неброско надписи короткость.
Как бы в твоём характере простом
Взяла могила эту скромность, кротость,
Задумавшись, притихнув под крестом.

Кладу я розы пышного наряда.
И словно слышу, мама, голос твой:
— Ну что так тратишься, сынок? Я рада
Была бы и ромашке полевой.

Но я молчу. Когда бы мог, родная,
И сердце положил бы сверху роз.
Твоих забот все слезы вспоминая,
Сам удержаться не могу от слез.

Гнетет и горе, и недоуменье
Гвоздем засело в существо мое:
Стою — твое живое продолженье,
Начало потерявшее свое.

1952

ПАМЯТИ ДРУГА

Который день, мой друг,
Как без возврата
В последний путь
С незрячестью слепца
Ушел ты вдруг.
Смотрю я виновато
В портрет,
В веселость твоего лица.

Прости ты мне,
Что слово задержалось:
Сдавила душу мука тяжело.
Когда бы душу
Сжала просто жалость,
Оно скорей
Прорваться бы могло.

Да и к тому ж еще:
Тяжелодумом,
Знать, стих-то мой
Природою рожден.

Горел я в нетерпении угрюмом:
Когда на горе
Отзовется он?

Но даже будь он
К скорой мысли годен,
Не сразу зазвучал бы
Под пером.
Стих с реактивным
Самолетом сходен:
Сначала мысль приходит,
Звук потом.

1952

СТИХ ПУШКИНА ЧИТАТЬ НАЧНИ

Когда ты горю тяжелейшему
Ни в чем исхода не найдешь,
Пошли сочувствующих к лешему:
Ведь не помогут ни на грош.

Но, нестерпимой мукой мучимый,
Проплакав ночи все и дни,
Ты лучше с детских лет заученный
Стих Пушкина читать начни.

Он с первых же двух строк, он вскорости
Такого солнца звон прольет,
Что горе вдруг не горше горести —
Ну той, как журавлей отлет.

Еще лишь третью вот, четвертую
Строку произнесешь потом,
Еще вот стих, что так знаком,
И не прочтешь ты целиком,
А сквозь слезу, с лица не стертую,
Сверкнешь восторга огоньком.

1953

ГОЛУБИ

Уж на все я
Смотрю всерьез.
Все вот реже он, шутки возглас.
Я серьезностью пооброс,
Завершая зрелости возраст.

Но в серьезности
Так люблю
Мысль в те детские санки
Впрячь я,
На которых, как во хмелю,
Пролетела пора ребячья.

Пусть тогда и шел разговор,
Что в Москве он из самых грязных,
В свой большой,
В Телегинский двор
Мчусь,
Как в царство богатств алмазных.

Мчусь туда я во двор,
Где в ряд,
В ряд сарай и, что приятней,

Где с полком таких же ребят
Обзавелся я голубятней.

Так не помнится и родня,
Как,
Коль матери не касаться,
В памяти голуби у меня —
С кличкой чистые
И в цвет огня
Жарые, мои красавцы.

Рос я в ужасе пьянства, драк.
Как же вас, голуби, как
Не считать было
Счастьем высшим?
Сколько раз я,
Малыш, босяк,
Из-за вас
Проскакал по крышам!

Грохотал я
По ребрам крыш.
Как своих не сломал я ребер!
Как я только,
Босяк, малыш,
Самого себя не угробил!

Но какое же торжество
Зажигал во мне
Каждый голубь,
Когда каждого,
Как божество,

Ввысь бросал
И алмазов гору б
Я не взял за восторг такой!
Ну сравнятся ль алмазы разве
С чудным мигом,
Как чистый мой
Ввысь взмывал
От дворовой грязи?

В небо взвившихся голубков
Так полет был красив
И плавен —
Будто плыл весь пыл куполов,
Чем Василий Блаженный славен.

Что за чудо?
Кувырк, кувырк —
И пошла в небесах работа.
Ой, ребята,
Сам даже цирк
Не видал такого полета!

Хоть мой турман
И не пилот,
Хоть он не был снабжен мотором,
С блеском Нестерова с высот
Солнцем
Скатывался
Красноперым.

Как лишь вспомню —
Рванет огнем

Его летная ловкость, доблесть.
И почувствую я притом,
Что и в счастье, в счастье моем,
В счастье,
Созданном нашим днем,
Его крыльев
Отблеск.

1953

ПОСТОВОЙ

Улицей всех улиц шире
Правит он, а холостой,
Скромно в крохотной квартире
Проживает постовой.

С ним лишь голубь — самый близкий,
Самый лучший друг его,
Кто, как птица, без прописки
В комнате со дня того,

Как влетел он ненароком,
Загнан бурею, дождем.
Ну, сперва косился оком:
Дом был в корне не по нем.

Все ж он с домом свялся скдро,
Ныл недолго голубок,
Что в нем не было простора,
Что был небом — потолок.

Он устроился неплохо
Там, под стулом. Пусть темно,
Но зерна вплоть до гороха
У хозяина полно.

Он его одобрил форму —
С солнцем пуговиц. И вот
Луч блеснет в окно — дать корму,
Значит, друг с поста идет.

Власть накормит. Все до крошки
Съесть попросит постовой.
Да на обе на ладошки
Он посадит пред собой.

И с таким он теплым словом
Льнет щекою к голубку,
Что и тот крылом пуховым
Рад согреть ему щеку.

Греет жарче поцелуя.
А потом закружит тут,
Про его особый труд
Будто речь ведя, воркуя
Прямо с рук: оруд, оруд.

1953

ИЗ ОСЕТИНСКОЙ ТЕТРАДИ

1. Цейдон

Мчась с горы сквозь облака,
Словно буря молока —
Все морозом ломится
В зной полуденный река,
Великана-старика,
Ледника питомца.

То Цейдон летит. Хотя
Он и холода дитя,
Страсть в нем бьет рабочая:
Как бурлит он весь, летя,
Камни с грохотом крутя,
Валуны ворочая!

С ропотом грохочет он:
— Скор, упорен я, силен, —
Что кручусь, как в танце я?
Горный брат мой Гизельдон,
Почему я обойден?
Где ж мне гидростанция?

Вот создать ее бы там,
Где я рвусь на склон к богам,
Рвусь с угрозой к капищу!
Я всю бурю волн отдам.
Горд, коль родины сынам
В грудь вплесну в труде и сам
Счастья —
Пусть не в рост волнам,
Ну хоть с ту вон капищу!

2. В Дигорском ущелье

Едва ль порадует, едва ли
И вас река, чей дик мне дух:
Незрим для глаз, для слуха глух,
Тут в потрясающем провале
Урчит Урух.

Хоть у него он и громовый,
Урух в стремительности вод
Свой голос кручам, на народ,
Из тьмы полукилометровой
Чуть подает.

Поет не громом — дробью грома.
Как пред подобным мне певцом,
Я пред Урухом хмур лицом.
Как сердцу песнь его знакома
Скупым концом!

Пока последний час не пробил,
Ты, сердце, бьешься, кровь стремя,

Безостановочно гремя,
Все бодрствуя в теснине ребер,
Как жизнь моя.

Гремишь огромностью эпохи
В восторге гордом, огневом.
Но как встревожусь я притом,
Вдруг вспомнив, что творю лишь крохи,
Звуча стихом!

3. Гора

Гора ты, гора-осетинка!
С тобой я лишь встретился раз.
Огромная скорбь, как соринка,
Слетела, смущенная, с глаз.

При полном знакомстве — как глыба,
Стал тверд я душой и умом.
О каменный друг мой, спасибо
За помощь, за добрый прием!

С врагом ли я брошусь сражаться,
Трудом ли брать к солнцу мосты,
Гора-осетинка, как ты,
Во всем постараюсь держаться
Упрямой, большой высоты!

1952

В ТАШКЕНТСКОМ САДУ

По земле узбеков вешним садом
В зареве наряда своего
Ты несешь, со мной ступая рядом,
Красоты татарской торжество.

Что ж ты с садом сделала такое?
Чуть лишь ветку у чинары тронь —
И с чинары ярче вдвое, втрое
Брызнет шелка твоего огонь.

Все пионы, маки, розы тонут
В бесподобном отблеске твоём.
Только я как будто не затронут
Бьющим с правой стороны огнем.

То с тобой шагаю втихомолку,
То разговорюсь, наоборот.
Словно в пику огневому шелку
Так и сыплю искрами острот.

Но стряслось, знать, и со мною что-то!
Как в тот раз,
Глянула не холодком ли глаз?
А острота, а острота,
А смешливость фразы, оборота
Вдруг с ожогом, с болью сорвалась.

1951

**ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА
ДОЛГОРУКОМУ**

Не Октябрь.
Не праздник Первомая.
Флагами не убралась Москва.
А Москвой мы двинулись,
Шагая
С гордостью большого торжества.

Лишь сегодня с переулков, с улиц
Мы не к Красной,
Как вошло в закон,
Мы к Советской площади
Стянулись
Множеством колонн.

Граждане Москвы восьмивековой,
Мы увековечим здесь
Того,
Кто Москву нам заложил основой
Русского величия всего.

Вот сказал о нем оратор слово.
И как будто ветерка рывок
Белое полотнище покрова
С памятника
Вдруг сорвал, совлек.

И как будто бы в секунду эту
Вдруг из древности
С мечом, в броне
Сам торжественно к нам,
К Моссовету
Долгорукий въехал на коне.

Смотрит как живой,
Хоть скован бронзой.
Чудится:
Он повод только тронь —
И помчит его Москвою
Борзый
Богатырский конь.

Видит всю красу Москвы,
Всю славу.
И до слез он, основатель,
Рад,
Что Москва могучую державу
Возглавляет
Как великий град.

Вдруг он видит:
Что за чудо? Знамя
С молотом, с серпом.

Дивится князь
И такому знамени над нами,
И всей радости такой, что в нас.

И хоть радостью
Мы разны с князем,
И хоть нас
Держала в рабстве знать,
Я готов,
Когда б сошел он наземь,
Руку Долгорукому пожать.

И хоть к знати злость жива святая,
И хоть, как бы ни был он велик,
Человека нашего всегда я
Называть товарищем привык,

И хоть титул прошлого, как глыба,
Давит все сознание мое,
Говорю:
Спасибо, князь, спасибо
За Москву, за детище твое!

1954

ВСХВ

Старость, что ли:
Время я, как жмот,
Стал беречь.
На выставку бы мод
Не пошел,
Скажу я без зазнайства,
Но с охотою помчал на смотр
Сельского хозяйства.

Выставку еще и не видать,
К ней еще с версту
Езды иль ходу,
А уж вижу я:
Честная мать,
Мать честная,
Сколько к ней народу!

И, как прочие все,
Восхищен
Выставки архитектурой чудной,
Я из павильона в павильон

Движусь
В сутолоке многолюдной.

Жадно,
С радостью смотрю,
Всерьез.
Глазом лазая
По стендам разным,
Имени Буденного колхоз
Встретил прямо я
С энтузиазмом.

Впрочем, кто ж тут
Не энтузиаст?
Даже вскрикнул
Парень изумленный:
— Вот так колос, брат!
Высок, усасть,
Что тебе Буденный!

И гляжу:
Ну что ж там по кустам
Вроде гуси порасселись?
Странно.
Ба! Да это хлопок там.
Это павильон Узбекистана.

И, взволнован,
Я — туда, туда.
Вспомнил про узбекскую декаду.
Вспомнил, как Узбекистан тогда

Дал мне грамоту
В награду.

Скоро будет
Голова бела,
А ведь горд я
Гордостью подростка,
Что Узбекистану помогла
И моей работы горстка.

Пусть и знать не знают
Про меня
Эти вот узбеки
Хлопкоробы,
В павильон вошел к ним,
Как родня,
Я — русак чистойшей пробы.

Все я глазом
Пообшарил в нем.
Но коль так
До экспонатов жаден,
И полвыставки, знать,
Нипочем
Я не обшагаю за день.

Павильонов-то ведь тьма.
И вон
Тот, что вон напротив,
Манит сказкой.
И спешу, вхожу я

В павильон,
В павильон казахский.

Только-только
Я в него вошел,
Как Алтай
Дохнул мне целиною,
На которую наш комсомол
Провожали всей Москвой
Весною.

Дорогие!
Хоть не так давно
Вы умчались далеко, далечко,
Но уж дивно
С целины зерно —
Каждое, как светлое сердечко.

Не горюйте,
Коль не на одну
Трудность там
Напоретесь сегодня.
Ленин всю страну,
Как целину,
Не без трудностей ведь тоже
Поднял.

Славу
Вашему труду споют.
К экспонатам подойдя с понятием,

Кто ж на выставке не видит тут,
Что красуется ваш труд
Самым лучшим в мире
Экспонатом?

1954

СЕРДЦЕ

Кто сердце в строй
Закона загонит,
Когда его чувству
Чужд расчет?
Порой и гром его
Не затронет,
Тишина до слез
Потрясет.

Оно и боев
Грозному грому
С бодростью вторит.
И вдруг намек,
Что уходит любовь
Из дому к другому, —
Что с тобой,
Что с тобой,
Сердца комок?

Ты стал вдруг черней,
Чем крыло воронье.

Казалось, знал свое сердце,
Знал.
Но все его, все его
Беззаконье
Случай с выставкой
Показал.

Прошел по ней,
По всем павильонам.
Прошел ее,
Как прекрасный вуз.
И, словно вздумав
Друзьям зеленым
Передать
Впечатлений груз,

Вошел я в сад,
В сад, где Мичурин
Стоял хозяином, —
В сад такой,
Где каждый плод,
Что природой дурен,
Преобразил он
Своей рукой.

И вдруг — яблоня!
Будто вкован,
Стал я, стал.
Ни назад, ни вперед.
Пред диковиной из диковин
Я в восторге
Разинул рот.

Гордо на себе,
Не горбясь,
Несла она множество плодов,
Плодов восьмидесяти родов.
И какой увидал я образ,
Яблоню обнять готов!

Родина!
Как это похоже!
Видно вот и яблоне самой:
Как ни разны
По языку, по коже,
Как ни много нас,—
Мы, народы, тоже
Все живем одной
Родной семьей.

Яблоня ведь и сбоку
Не родня мне.
С ней
Что за дела?
Но как близка она,
Мила!
Как будто она
Глубоко-глубоко
Корнями в сердце мое
Вросла.

В сердце так вошла,
Что дворцами
В нем сверкавшие до того
Павильоны —

Все до одного —
Заслонила
И, между нами,
Даже вытеснила из него.

Но шагну лишь —
И, глядь, потонет,
Как в тумане, яблоня:
Куст вон тот,
В ком, кажись, хорошего
Ничего нет,
Вдруг росинки отблеском
Потрясет.
Ну кто его урезонит,
Кто возьмет его в оборот,
Кто сердце в строй
Закона загонит,
Когда его чувству
Чужд расчет?

1954

**НА ВЫСТАВКЕ ИНДИЙСКОГО
ИСКУССТВА**

Я взволнован
Фактом небывалым:
В доме
Близ Кропоткинских ворот
С радугой картин своих
По залам
Индия-красавица идет.

Индия проходит перед нами
С древности
До нынешних времен.
Русский глаз нерусскими богами,
Их земной натурой изумлен.

Кришна — бог не высшего ли ранга?
Видим его скромным пастухом.
Плеск,
Священное дыханье Ганга
Слышится нам в воздухе самом.

Чудится:
Вот-вот с картин
Слоновым
Ревом затрубит нам божество,
Что, будь в древности,
Будь в веке новом,
Именуется как мастерство.

В строгости портрета мастерского
Узнаю Тагора-старика,
Подарившего народу слово,
Мудростью
Светящее в века.

Тронул душу
Образ старика мне.
Лицами, что наших посмуглей,
Так тепло
Блеснули в краске, в камне
Труженики города, полей.

И вот эта с прудом деревенька
В грудь вплеснула мне
Волну тепла.
Ну-ка, разберемся хорошенько,
Чем, брат, душу
Индия взяла.

Ну не чаем же,
Хоть вкус мой чаю
Нашему
Индийский предпочтет.

В чае Индии души не чаю,
Малость подкачав как патриот.

Да простится, брат,
Мне слабость эта!
Нет, не чая крепостью она
Привязала,
Привлекла поэта,
Индия, великая страна.

И не тем плодом своим,
В котором
С нашим сходства
Вовсе не найдешь.
Даже и не тем своим простором,
Что с простором родины
Так схож.

И не столько красок красотою, —
Сколько тем взяла нас,
Что большой,
Многовековою, трудовую
И миролюбивою такую
Так близка душой.

И на выставку
В московский дом
Все — и те,
Кто чужд искусству сроду,
Мы идем огромным чередом

С чувством,
Что к индийскому народу
В гости с дружбой
В дом его идем.

1953

ИНДИЙСКАЯ ТАНЦОВЩИЦА

Солнцем шелка
Твой стан лучится.
И, прекрасным лицом светла,
Ты, индийская танцовщица,
Бурно в танце
Блистать пошла.

Пылких рук
Летучие змеи.
Босоногий топот.
На миг,
Неожиданный, быстрый,
С шеи
Головы чуть в сторону
Сдвиг.

Вот один ли миг еще,
Два ли —
И гремит он, как дивный миф,
Яркий танец твой,
Всех нас в зале

В древность Индии
Устремив.

Громко славит он Кришну,
Бога.
И мы так захвачены им,
Что, отрекшись от бога строго,
Жадно Кришны огнем горим.

Дали волю сердцам:
Дивитесь,
Как вас танец
Страстью берет.
То не бог
Явил даровитость —
Даровитость явил народ.

1954

В АЛБАНИИ

Горы выстроились гордо
В твердокаменности всей,
В убежденности своей,
Что в Албании, мол, гор-то
Много больше, чем людей.

И какое ж заблужденье!
Как бы ни был он высок,
Как бы в бездну всех ни влек,
А на склоне, глядь, селенье,
Глядь, и город, городок.

Не найдя верней опоры,
Эти, эти города
Не веками ли труда
Вознесли албанцы в горы,
В высь орлиного гнезда?

Гляну утром на громаду,
На громаду гор вокруг

И обрадуюсь я вдруг:
Ведь народ, наш брат и друг,
Получает, как в награду,
Солнышко из первых рук.

1957

**НЕГРИТЯНКА
В АЛБАНСКОМ ХОРЕ**

Ой, Албания!
И не скрою:
Мне не люб ли
Твой блеск морской?
Ну, а все же душой людскою
Льну я больше
К душе людской.

Любы горы.
И вновь не прочь их
Навестить бы.
Но пусть простят:
Ведь сегодня я у рабочих,
У текстильщиков я в гостях.
Ждем концерта мы все.
И словно,
К сцене клуба метнувшись с гор.
Ветер занавес ровно-ровно
Вдруг раздвинул —
И видим: хор.

Взмах руки его дирижера.
И, захватывая всех нас,
Жаркой лавою в зал из хора
Песнь о Ленине полилась.

Полилась ее величавость,
Хоть нерусские в ней слова.
Кто ж запел ее?
Вся курчавясь,
Та, как уголь, вон голова.
Негритянка, смотрю,
И, факту
Не поверив,
Глаза протер,
Пташка Африки,
Как ты, как ты
Залетела в албанский хор?

И в албанские-то высоты
Ну не ветер же ткать
Занес?
Прямо с фабрики ты,
С работы,
Пташка Африки,
Но всерьез —
Нет, не пташка,
А примадонна,
Зазвучавшая предо мной
Ярче клавишей аккордеона
И зубов своих белизной.

Зазвучавшая и глазами
Так, что в солнце мы сплошь,
Да кто ж,
Кто ж до слез
Не взволнован в зале,
Как о Ленине ты поешь?
Как поешь ты о нем,
Который,
Красен мысли огнем,
Умом,
Желтой Азии встал опорой.
Черной Африки маяком.

Так поешь,
Что как будто вдвое,
Втрое громче стал
Голос твой —
В этой песне, как он, герой,
Отдал сердце свое
Большое
И Албании небольшой.

1957

ВЫВЕСКА

Город мой Москва, мой милый кров
Стал, кажись, как Маяковский, нов.
Но, друзья, похоже,
Что, как у людей, у городов
Пережитки прошлого есть тоже.

Понял это я, когда в кино
Шел Москвой, когда я днем в «Ударник»
Шел, — поэт, усвоивший давно,
Что искусство-то трудом сильно:
Труд — он вдохновения напарник.

Шел в кино, друзья, и днем
С удовольствием, к тому ж — путем,
Тем путем, где, как весной,
Чуть ли не за домом дом
Радовал советской новизною.

Что ни шаг, смотрю — то деревцо.
Вдруг я глянь: ой, что там за дрянцо?
Ба! Да дому, словно бородавка,
Все обезобразила лицо
Вывеска-мерзавка.

Взобралась она не высоко
На фасад его. Но не легко,
Но и встав на цыпочки пред домом,
Я с трудом прочел: «Бугров и К^о».
И от неожиданности громом

В голову, в сознание мое
Черных букв ударило старье.
Показалось: рядом подоконник
Рвался ввысь от вывески — с нее
Страшный скалился покойник.

Старый мир смотрел: Бугров и он,
Он, Бугровых
Коронованный компанион —
Царь да, как его закон,
Злой орел из двуголовых.

И почудилось мне: вдруг орел
Так глазами всю Москву обвел,
Словно рад был счесть дома, в которых,
Как в когтях, держал нас, глух и зол,
В тьме подвалов, в тесноте каморок.

И расстроен, даже нездоров,
Марш от вывески! Но, поборов
Мрак ее, извлек и пользу все же:
Понял я, что и у городов
Пережитки прошлого есть тоже.

НА БОЛОТНОЙ ПЛОЩАДИ

Встал сегодня что-то рано. Ровно
В пять.
И, глядь, уж к трем
Заработался с пером,
Будто не стихи писал, —
Ворочал бревна.

Заработался — да так, что дрема,
Что в глазах
И зайчик солнца сер.
Чтоб вернуть всю бодрость,
Я из дома
Ходу
И туда — на сквер.

Сквер у нас
На площади Болотной.
Как посмотришь,
Сразу видно: он
Весь с оградой его добротной
Новою Москвою сотворен.

Гордо он
Колонн гранитом встретил,
Сквер
На диво длинен и широк.
Вдруг смотрю:
Деревья-то не ветер —
Им листву трясет смешок.

Смех берет и розы.
Понял вскоре:
Это смех над площадью самой.
У бегонии во взоре
Вон иронии огонь такой,

Что насмешливо со сквером новым
И народ настроен, ребятня.
Паренек идет,
Горячим словом
Над Болотной площадью труня.

Даже постовой!
Едва ль он
Мог на площадь глянуть глазом роз,
Ведь на что официален —
Площадь тоже не берет всерьез.

Вот смешно,
Вот с площадью чудно-то!
С площадью Болотной не того.
Ой, да где же тут болото?
Где ж, хоть плохонький, кулик его?

Лишь в жару
С прохладой отрадной,
Будто родом он из северян,
Бьет тут, плещет крыльями
Громадный
Лебедь, по прозванию фонтан.

Бьет фонтан.
Но, право, странно...
Что я? Брежу? Что я? Нездоров?
Слышу в шуме, в музыке фонтана
Скрип возов.

Нет, здоровье ни при чем тут.
Проще:
Это в оборот я
Прошлым взят.
Это вторглась в память
Площадь,
Как была —
Ну, тридцать лет назад.

Вдруг всплыла она перед глазами,
Площадь грязи,
Непролазных луж,
С торгашами, с их возами,
С их возами ягод, яблок, груш.

Эка с ней с тех пор метаморфоза!
Анна, друг,
Не тут ли, где рядом
Вместо грязи флоксы,

Возле вoзa
Тoрговaлся лeгчe виртуoзa
Твoй oтeц c oптoвикoм?

Зaкупaл стaрик
Тoвaр в лaвчoнку,
Гдe нaжить oн рвaлся кaпитaл,
Гдe тeбя, крaсaвицу дeвчoнку,
Я зa кaссoй увидaл.

Чувствoвaл:
Тeбe зa кaссoй тяжкo.
Будтo руку, узкую лaдoнь
Обжигaлa и рублa бумaжкa
И грoшa мeдяцкa, кaк oгoнь.

Сoлнышкo,
Уж в тoт жe вeчeр мaйский
Вник я в суть мучeния вceгo:
Пoдoшeл oтeц твoй пo-хoзяйски
К крaсoтe сиянья твoeгo.

Он тeбя,
К нaживe рвaсь упрямo,
Пoсaдил зa кaссу нaпoкaз,
Чтoбы, кaк примaнкa,
Кaк рeклaмa,
Ты блистaлa взглядoм
Чудных глaз.

Чтo ж, и впрaвду:
Нaдo иль нe нaдo

Винограда, вишни с полкило —
Покупатель шел,
Чтоб снова взгляда,
Снова глаз твоих
Вдохнуть тепло.

Сам я, сам,
Как увидал, так словно
Вздумал весь перекупить товар.
Зарядил. В покупках, безусловно,
От других не отставал.

Скоро стала
Ты мне так желанна,
Стало сердце
Так тобой полно,
Что казалось:
Только имя Анна
Призвано вызванивать оно.

Ух, как рад был:
И тебе, девчонке,
Люб я!
Но лихач за лихачом
Все подбрасывал к лавчонке
Нэпача за нэпачом.

Тряс нэпач перед отцом мошною.
Лез из-за тебя
Со мною в спор.
Он червонцев массою сплошною
Бил в меня в упор.

И, клубники накупив решета,
Будто бил в меня огнем он, как
В полночь в поле, там, у поворота,
Из обреза в бедняка кулак.

Но за правду нашего-то брата
Был Октябрь,
Краснознаменный строй!
Диктатура пролетариата
Встала за меня горой.

Диктатура,
Как с царем, как с богом,
Не поцеремонясь с нэпачом,
Так ударила его налогом,
Чтоб он не поднялся нипочем.

Коль Октябрь
Не повернул бы круто,
Рабства мир столкнув в небытие,
Анна, Аннушка моя,
Анюта,
Мне блеснуло ль солнышко твое?

В доме,
Где икона на иконе,
В доме,
Где был ум твой затемнен,
В силах ли тебе, тихоне,
Было преступить веков закон?

И, покорна золотым оковам,
Ты пошла б навек блистать лицом
Перед Бландовым,
Перед Перловым
Иль перед новым
Москвичом купцом.

Вот Октябрь
Нас к коммунизму вывел.
Я с народом,
Я со всей страной
Славить горд его, но мой,
Мой ему поклон земной
И за то еще, что осчастливил
Он меня тобой.

1953

В нем таких достоинств соцветие,
В нем такая сила тепла,
Что на целое десятилетие
Стих мой, голос мой увлекла.

Ну почти ль тебя виноватою?
В том ведь больше мой взгляд виноват
С ненасытностью этой проклятою,
Вот которой и сам я не рад.

Но с тобой красота прощается.
А со мной — мой стих о тебе. И ко мне,
И ко мне тот стих возвращается,
Что когда-то я пел о труде, о стране.

1953

БЛАГОДАРНОСТЬ

А. К.

Ну чем я отблагодарю
Тебя, моей мечты свершенье,
Моей всей жизни украшенье.
Чьим дивным отсветом горю,
Дарованным мне в утешенье?

И даже в ясности зеркал
Простецкой внешностью неярок,
С душой из тихих, из дикарок,
Как, помню, сам я засверкал,
Приняв блистательный подарок!

Как, глазу женскому не мил,
Вдруг и пренебрегавшей мною,
Вдруг и красавицей иною
Замечен с интересом был,
Твоей украшен красотой.

Но то — пустяк еще! А тот,
А тот мне факт всего дороже,
Как, мучим горестями, все же
С тобой до заданных высот
Я стих свой вел в волшебной дрожи.

1957

НЕ ТОТ ЛИ СВЕТ?

Ну не полвека ли с тех пор?
А времени наперекор,
Сквозь вихри дней кипящих,
Я вижу: он вошел во двор,
Стекольщик, несший ящик.

И ящик стекол, стар и хром.
Нес на плече он так двором,
Как будто утру мая
Жар-птицы искристым крылом
Помахивал, шагая.

И не узнал я сам себя:
Мальчишка с видом воробья,
Вдруг от сверканья стекол
Из серости житья-бытья
Я глянул в мир, как сокол.

Со стеклами светлей светил
Явившись, хоть и хром и хил,
Волшебником бесспорным,

Старик весь дух мой захватил
Сверканьем чудотворным.

Во всем, чем жив я как поэт,
Чем смолоду мой стих согрет,
И в этом чувстве стольких лет
К тебе, моя родная, —
Не тот ли чудотворный свет
Горит, не угасая?

1957

Великий почин

П о э м а

1

Летит он, век, — вперед, вперед.
И мало ли, стремя полет,
Он дней нам в памяти сотрет!
Но можем ли забыть мы тот
Субботний день, ее — Казанку?
Товарищи,
Шел третий год,
Как в Октябре из лап господ
Россию вырвал наш народ,
Как обратил переворот
Россию в вольную гражданку.

Уж в революцию Москва,
Как в быт, вжилась.
Но как сперва
От радости, от торжества
Была в горячке голова.
Как бы с жаровни, странам разным
Бросали красные слова.
И все казалось: день ли, два,
А залпом чувств — энтузиазмом

Мы, пролетарская братва,
Покончим с миром буржуазным.

Кажись, все звезды б нам сорвать!
Но, коль по правде, не соврать,
Мы жили в обстановке жалкой.
Заводы, как немая рать,
Во мраке вспыхивали, глядь,
Не жаром домны — зажигалкой.
Без хлеба, бедности под стать,
Республика, Советов мать,
Крепка была — ну что скрывать? —
Лишь класса нашего закалкой.

О, нашей юности года —
Промчавшиеся туда, туда,
На фронтовые города
Тачанки, бронепоезда!
Войны попутчица — старуха,
Не испугала вас разруха,
Та голодуха, та беда,
Что было пусто завсегда
У нас, энтузиастов, брюхо.

Что тормоза грозе? Буза!
Отбросив к черту тормоза,
Неслась Октябрьская гроза.
Чтоб всем нам отвести глаза,
От нас, бойцов ее вихрастых,
Напористых бойцов, горластых,

Буржуй попятал образа,
Снял и кольцо с себя и галстук.

Громя все вражеское в прах
И галстуки в своих рядах
Клеймя как барские затеи,
Храня всю чистоту идеи,
Врывались мы, врагам на страх,
В богатства их и в злых ветрах
С открытостью немой шей.

Теперь, как с фабрик, со станков
И изобилие шелков
Пошло к нам качеством все выше,
Когда народ, искусством нов,
В бой против серых пиджаков,
В бой за нарядность жизни вышел, —

Быть может, многим и смешон
Тот огнедышащий циклон,
Что, мчась по бытовому фронту,
Обрушивался, разъярен:
Кто? Что за тип там?
В шелке он?
Так вон его из дому,
Вон
Проклятого буржуя, контру!

Но и теперь мне не смешно.
Я чту ту ярость все равно,

Хоть сам срывался в мягкотелость.
За тыщи лет полным-полно,
Так беднота, попав на дно,
Рядясь порою и в рядно,
От кровососа натерпелась,
Что и на шелк его давно,
Как на такую ж контру, взъелась.

Ну ясно же само собой:
Шло не без дурасти смешной.
То революции издержки.
Про казус дурасти такой,
Что с Казиным, то есть со мной,
Произошел, я без задержки
И расскажу, читатель мой.

Случись быть вечером сему.
Мчал в МГУ — добыть уму
Науку высшую. Сквозь тьму
Увидел Громова Кузьму —
Райкомовца.

— Куда? К кому? —

Мол, в МГУ.

— Да брось! Чему

Буржуйское научит пузо?

Айда ко мне! Есть с пол-арбуза. —

Чуть не сгорел я от конфуза.

Ой, стало стыдно самому!

И марш к Кузьме я своему.

Так и осталась вдруг без вуза

На сей с приманкою арбуза,

На сей кривой крючок ему

Моя поправшая муза.

2

Развал, куда ни загляну...
 Но надо же спасать страну!
 Ну долго ль мыкаться в плену
 У экономики мытарской?
 Разруха! Думу не одну
 Продумал, с ней ведя войну,
 Вождь диктатуры пролетарской.

Эксплуататорам страшна
 И мягкосердья лишена,
 Да, диктатура, лишь она
 Могла, в железные взяв руки
 Могущество труда, науки,
 Все ликвидировать сполна
 Экономические муки.

Пусть и злорадствовал не раз,
 Пусть фактом враг и тыкал в глаз,
 Пусть враг и делал много шуму,
 Что все ж и кое-кто из нас,
 Мол, в спекуляции погряз,
 Но, в зрелости голодных масс,
 Разруху разгромить стремясь,
 Как вождь, и сам диктатор-класс
 Уж не одну продумал думу.

3

Казанка! Как оно зажглось,
 Сознание, чтоб с разрухой злою
 В бой выйти, двинувшись не с тою,

Не с тою, как земная ось,
Привычкой многовековой,
А с боевою новизною?
Уж не зажег ли паровоз
Ту мысль искринкой огневою?

Мила догадка, но мелка.
Нет, то догадка чудака.
Нет, на бегу разгоряченном
Зажег не поезд с эшелонном —
Ту мысль зажег призыв ЦК:
«Товарищи! — звала строка. —
Враг рвется к Волге.
Враг в лицо нам
Грозит. Опасность велика.
Все для разгрома Колчака!
Всю каждого тыловика
Работу. И не по шаблонам,
А с жаром революционным!»

Был май. Десятое. В субботу,
В шесть вечера, когда вокруг
Рабочий люд труда заботу
Сменил на отдых, на досуг,
Казанцы—двести пять по счету —
Не по домам пошли, а вдруг
С работы — на работу.

На Сортировочной, как строй,
Чуть ли не вытянувшись в струнку,

Вдруг стали. И в глаза такой
Был факт и чудный и чудной:
Народ здесь так любил чугунку,
Но дисциплины был стальной, —

Той дисциплины, чья основа
Не из приказа должностного,
А выросший весь из нутра
Сознания долг.
И образцово
Бригадами работать снова
Враз развели всех мастера.

Уж быть бы не могло морозов,
Но, зная, Республике назло
Разруха, все перекорежив,
И маю срезала тепло.
Как морг уродов-паровозов,
Разило холодом депо.

Но что такое?
Как у лорда,
С самоуверенностью, гордо
Державшаяся до сих пор,
Вдруг у разрухи скисла морда,
Когда рванулись к ней и твердо
Ей люди глянули в упор.

Испуганно разруха, робко
Попятилась — и шашь: где топка,
Торопко спряталась в котел.
Да вдруг пошла такая клепка,

Да гуд и гром такой пошел,
Что из котла она, как пробка,

Испуга не переборов,
Вон выскочила
И вскоре
Меж трупами паровиков
Вся заметалась, как от хвори,
В грохочущем переговоре
И молотов и молотков.

И не диковина ли: молот
Казне, а не себе в доход
Усердно вскидывал народ,
Кого уж измытарил голод
И кто уж молотом-то вот
Так намахался, что и в год
Он на субботник, хоть и молод,
Казалось, сил не наберет.

Как будто духом чудотворным
По людям, по бригадам сборным
Возьми субботник и пройди.
Казанка! Ведь, того гляди,
Огонь рванется из груди.
Ведь сердце распылалось горном
В его стремлении упорном
Гореть в работе впереди.

Как в рудах золотая жила,
Века таившаяся, вдруг
В сознании, в порыве пыла,

В железе мускулистых рук
Невиданная вскрылась сила.
Казанка! Это ты открыла
Соревнование, мой друг.

Всю потрясло тебя, чугунок:
И мастер сам, чиня форсунку,
Не мог всем опытом пока
Догнать парнишку, новичка,
Комсу — ну нашего Сергуньку,
Что шибче паровичка
Темп нагонял — глотал лишь слюнку,
Чтоб заморила червячка.

Соревнование! Казанка,
Хоть и в него, как партизанка,
Рванулась ты и хоть вопрос
О нем не ставила всерьез,
Но радость чуть ли не до слез:
Как быстро, встав на сталь колес,
Один вот ожил паровоз!
Какая гордая осанка
Вновь у того, кто с полустанка
В депо, урод, едва дополз!

Соревнование в три раза
Его ускорило ремонт.
Зажгло скорей ему два глаза,
Чем звезды ночь. И нет, не фраза,
А завтра же он без отказа
Во исполнение приказа
Полк питерцев помчит на фронт.

А к полночи — ну то ль не скоро? —
И паровоз четвертый встал.
Но вот, успехами не малу
Гром молотов отгрохотал.
И вдруг «Интернационал»
Казанцы грянули — и хора
Взволнованность и слов накал
Величественный поднял вал,
Понес всей бурей в ширь простора,
Как будто в роли дирижера
Сам грозный век наш выступал.

5

У вас, большевики-казанцы,
Была особенно легка
На дело доброе рука:
Таким же бившим в Колчака
Ответом на призыв ЦК
Вслед загревели сотни станций
Со всех дорог.
И на века

Прославив скромную Казанку,
Начав в труде переворот,
Увлёк субботник и завод,
И фабрику и в свой поход
Вовлек крестьянина, крестьянку, —
И так вошел он в обиход,
Что на него уж через год
В день Первоя спозаранку
Всей массой двинулся народ.

Всей массою российской рано
Мы вышли, даже, хлынув рьяно,
В колонны с дробью барабана
Влилась и ребятня из школ.
И лишь уперся в ряде сел
Волк-собственник:
Пусть в горло кол,
Чем пяточок бы вдруг пошел
Не в логово его кармана,
А в государственный котел.

Посматривал он глазом праздным,
Как шествием своеобразным,
Как ополчением, так сказать,
Пошла она, Россия-мать,
Грузить где надо, разгружать,
Слесарить, грязь уничтожать,
Пошла с таким энтузиазмом,
С каким пошли и вы опять,
Вы, первые, вы, двести пять.

И в том, казанцы, с вами схожи,
Мы из Союза молодежи
Еще безусые сыны,
Заботой партии сильны,
С такой направленностью тоже
Шли на субботник: вон из кожи.
Но только б глянули пригоже
Черты захламленной страны!

Как ныне в свет лица родного—
В страну всмотрюсь я и назад

Вдруг оглянусь, то, право слово,
Я просто, как мальчишка, рад,
Что красоту ее, наряд
От мусора, хламья дурного
В тот день отчистило в Перово
Немало и моих лопат.

Но горько, что вот все же мало
Я передал того накала,
В каком страна, мои друзья,
В тот день всю силу напрягала,
Разруху прямо в грудь разя.
Всего того, как крепче вала
Вдруг землю радость взволновала,
Ей-ей, и выразить нельзя!

6

Рванулась в радости земля.
Все города ее, поля
Взгляд устремили в Кремль:
Работник,
Хоть он и в древности Кремля.
До новизны большой охотник,
С народом труд всегда деля,
И Ленин вышел на субботник.

Страны главнейшее лицо,
Вождь пролетарской диктатуры,
Он вышел из дому, крыльцо,
Весь Кремль, его стены кольцо

Обдав свежей, чем деревцо,
Всей бодростью своей натуры.

Направился он, шагом скор,
В ту сторону, где разговор
И где от «Варшавянки» дико
Успенский съезжился собор —
Как все, кремлевцы с ранних пор
Шагали с песнями на сбор.
И все — от мала до велика —
В порядке. Лишь один припер,
Так праздник встретивший, что в хор
Не рвался — не вязал он лыка.

И Ленина из-за него
В досаде, из-за одного,
Вдруг покорило всего.
Но грянули тут музыканты.
Под гром их труб, под торжество
Пошел он, скор и без того,
Живее марша самого
Туда, где строились курсанты.

И к ним спеша, наискосок
Почти весь двор он пересек.
Пред командиром, невысок,
Великий
Взял под козырек:
— Товарищ командир!
К вам в роту,
К вам на субботник, на работу
В условленный я прибыл срок.

В строй разрешите встать. —
Но строг

Устав. И в сильное смущенье
Впал командир.
Как в подчиненье
Вождя поставить?
Высший ранг,
Да штатский.
Думал. И мгновенье
Ползло, тяжелое, как танк.
Но счастья вырвалось волнение:
— Товарищ Ленин!
В подкрепленье
Вы встаньте к нам
На левый фланг.

— Что ж!
И при царском строе правым
Не числился я. —
И, лукавым
Заискрившийся огоньком,
В строй звездочек предсовнарком,
В строй гимнастеров, целиком
Поладив с воинским уставом,
Встал в кепке молодцом-бойцом,
Как врос, родной, рабочим, старым,
Своим гражданским пиджаком.

И только встал, как в девять ровно
Команда.
И туда к местам,

Где шпалы с досками, где бревна
Уродовали Кремль, как шрам,
Строй с песней тронулся,
И сам,
Сам командир запел, но словно
Он скоро звонким голосам
Обрезал песню, вскрикнул там:
— Стой! Вольно! —
И, как с немцем в Ковно,

Пошел в Кремле с разрухой бой.
И Ленин, как мастеровой,
Смешавшись с массою людской,
Бревно вдруг ухватил рукой —
Той самой ленинской, какой
Писал декреты нам о мире
И о земле. И — ой! —
Все глянули, дивясь, и шире

Царь-колокол разинул рот:
Бревно,
Бревно берет,
Взял на плечо, взвалил он — тот,
Кто тяжестей-то нес уж гору,
Кто землю, двинув, как Аврору,
Повел в иной круговорот,
Кто вот уже не первый год
Груз государства, груз работ
И груз огромнейших забот
Нес на себе, сплотив в опору
Партию, народ.

Царь ссылкой проморил, кутузкой
В побоищах с такой нагрузкой
И вовсе б не легко
Весть в коммунизм, так далеко,
Да закалил в них, как никто,
Ту стойкость, что в народ наш русский
Века вковали глубоко.

При сокрушительном разгроме
Врагов, при смертном их конце,
При братском чувстве к чукчам, к коми,
Всем гением, во всем объеме,
Россия в Ленине, в борце,
В учителе, в предсовнаркоме,
В характере его, в лице,
Горела на крутом подъеме,
Как вдохновение в творце.

Но, русский с головы до ног,
Он. Ленин, был, как мир, широк.
У Маркса взяв борьбы урок,
Он, как орел высокогорный,
Провидел то сквозь даль дорог,
Что даже и с трубой подзорной
Наш глаз увидеть бы не мог.

Как солнышка восход высотник
Скорее, чем другой работник,
Увидеть может, так с вершин
Марксистской мысли он один,
Лишь первый прогремел субботник,
Великий усмотрел почин.

Статью, где каждая страница,
Где каждая ее крупица
Бьет высшей мудрости ключом,
Еще, еще раз перечтем, —
И нет, нельзя не подивиться
Всей прозорливости провидца,
Кого, счастливы с ним сродниться,
Мы звали нашим Ильичем.

Ну не на диво ль до сих пор нам?
Предвидел, как к моторам, к горнам,
Как двинется народ в забой,
Как установленным всем нормам
Он даст такой
Воистину разгромный бой,
Что в век новатором бесспорным
Он вторгнется.
О век ты мой,
Как видел вожды!
Я ни бельмеса
Не смыслил, полон интереса:
Что на коптилку, злее беса
Мне чадом лезшую в нутро,
Смотрел он с фото так хитро?

Сквозь чад коптилок всех остро
Он видел зори ГОЭЛРО,
Он видел солнце Днепрогэса,
Кремля созвездье, блеск метро.

И сам он свет такого рода
Зажег в огромности народа,

Которым и теперь народ,
Как прежде, как живой, ведет
Он в коммунизм,
Где жизнь, свобода

В том совершенстве трудовом
И в том богатстве всенародном,
Что с ним, вождем,
В труде своем
Зачали тем субботним днем,
Тем незабвенным
Днем голодным.

1954

СОДЕРЖАНИЕ

РАБОЧИЙ МАЙ

Рабочий май	5
Каменщик	6
Небесный завод	7
Ох, праздник...	8
Сегодня день плохой ли, хороший...	10
Капель	11
И ветер вешний и я...	12
Медовый спас	14
Рубанок	15
Ожидание	17
Гармонист	19
Тебе не ночь ли косы заплетала?...	21
Как хорошо телесное изнеможенье!...	22
Давно такого не было лентяя...	23
Осенняя весна	24
Крыша	25
Время	26
Вешнее вдохновенье	27
Песенка	28
И закат волновался...	29
Маленький, маленький, по тротуарам...	30

Дядя или солнце?	31
Привычка к спичке — искорка привычки.	33
Ручной лебедь	35
Как я строил дом	36
Любим на судьбу свою людскую.	38
Не потому ль к любви вселенской.	40
Сон	42

ПРИЗНАНИЯ

Мой отец — простой водопроводчик.	45
Не могу держать спокойно плечи.	47
Эпоха	49
Мавзолей	51
Я нет-нет — и потемнею бровью.	52
Сколько лет вдохновенно я пестовал.	55
Жизнь мою московскую жилищей.	57
Байдарские ворота	58
Море	60
Ты опять при солнце и при ветре.	62
Весеннее	64
Потянула запахами сушки.	65
Пушкин	66
Памяти Сергея Есенина	68
Цыганская венгерка	71
Вот опять я встретился с тобою.	73
Вот огромный поезд из Ростова	74
Здравствуй, здравствуй, мой город родной!	76
Чу! Как сердце бьет горячим громом.	78
Я теперь навеки в счастье гулком.	80
Я песней солнца одарен.	83
Словно робким солнцем иалита.	85
Октябрьские торжества	87

Последнее письмо	96
У судьбы ты прелести не клянчила...	94
О сближенье не было и речи	96

<i>ЛИСЬЯ ШУБА И ЛЮБОВЬ. Поэма</i>	99
---	----

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снимок	129
Красная площадь	131
Твой образ	134
В пути	135
Художник	137
Зеркало	140
Расставанье	142
На катке	143
У страсти в высоком почете...	146
Летчик	147
Мать	149
Сын	152
Поезд	153
Еще дерзаньем, жизни силой сладкой...	155
Смерть	157
Проводы	161
Эхо	163
На могиле матери	164
Памяти друга	166
Стих Пушкина читать начни	168
Голуби	169
Постовой	173
Из осетинской тетради	175
В ташкентском саду	178
Открытие памятника Долгорукому	180

ВСХВ	183
Сердце	188
На выставке индийского искусства	192
Индийская танцовщица	196
В Албании	198
Негритянка в албанском хоре	200
Вывеска	203
На Болотной площади	205
Возвращение	212
Благодарность	214
Не тот ли свет?	216
<i>ВЕЛИКИЙ ПОЧИН. Лирическая поэма . . . . .</i>	<i>219</i>

Казин Василий Васильевич

ЛИРИКА

Редактор *Е. А. Исеев*

Художник *А. П. Радищев*

Худож. редактор *В. И. Морозов*

Техн. редактор *М. А. Ульянова*

Корректоры *Е. С. Арутюнова*
и *С. Е. Жигмановская*

Сдано в набор 23/V 1960 г. Подписано
к печати 14/VII 1960 г. А 04190. Бумага
70 × 108^{1/32}. Печ. л. 7^{11/16} (10,52). Уч.-изд.
л. 6,25. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1036.

Цена 4 р. 15 к.

С 1/II 1961 г. цена 42 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, В. Гнезниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Леисовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3